

Валерий Брюсов

Urbi et Orbi

Содержание

ВСТУПЛЕНИЯ	0007
«По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах...»	0007
ЛЕСТНИЦА	0008
ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНЬЕ	0009
У СЕБЯ	0010
ПОБЕГ	0011
РАБОТА	0013
МЕЧТАНИЕ	0014
ИСКАТЕЛЬ	0015
НИТЬ АРИАДНЫ	0017
БЛУДНЫЙ СЫН	0018
У ЗЕМЛИ	0020
В ОТВЕТ	0022
ПЕСНИ	0024
ФАБРИЧНАЯ «Как пойду я по бульвару...»	0024
ФАБРИЧНАЯ «Есть улица в нашей столице...»	0025
ДЕТСКАЯ	0027
СБОРЩИКОВ	0028
ДЕВИЧЬЯ	0029
ВЕСЕЛАЯ	0030
БАЛЛАДЫ	0032
РАБ	0032
ПЕПЛУМ	0034

ПОМПЕЯНКА	0036
ПУТНИК	0037
РЕШЕТКА	0039
У МОРЯ	0040
ДУМЫ	0042
L'ENNUI DE VIVRE...	0042
НАВЕТ ILLA IN ALVO	0045
ИСКУШЕНИЕ	0049
ИТАЛИЯ	0054
ПАРИЖ	0058
МИР	0063
IN NAS LASCIMARUM VALLE	0068
ЭЛЕГИИ	0072
ЖЕНЩИНАМ	0072
СВИДАНИЕ	0074
В ДАМАСК	0076
ГИАЦИНТ	0077
ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ	0078
ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД	0080
К БЛИЗКОЙ	0081
ПЫТКА	0082
ЭПИЗОД	0083
ТАИНСТВА НОЧЕЙ	0086
ОДИНОЧЕСТВО	0087
СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ	0089
ОТВЕРЖЕНИЕ	0089
ВТИРУША	0090
СОNET	0091

ХМЕЛЬ ИССТУПЛЕНЬЯ	0092
ЛЕСНАЯ ДЕВА	0093
MON RÊTE FAMILIER	0095
САНСТА АГАТНА	0097
ТЕРЦИНЫ К СПИСКАМ КНИГ	0099
КАРТИНЫ	0101
ЛЮБЛЮ ОДНО	0101
РАНЬШЕ УТРА	0102
КАМЕНЩИК	0103
МАЛЬЧИК	0104
ЦАРИЦА	0105
ПРОХОЖЕЙ	0106
ГОЛОС ЧАСОВ	0107
НА СКАЧКАХ	0108
ЧУДОВИЩА	0109
ЗИМНИЕ ДЫМЫ	0111
ОКЛИКИ ДЕМОНОВ	0112
НОЧЬ	0114
ЗИМНЯЯ КРАСОТА	0115
ПРЕЛЕСТИ ЗЕМЛИ	0116
АНТОЛОГИЯ	0117
ЯРОСТНЫЕ ПТИЦЫ	0117
СЛАДОСТРАСТИЕ	0118
В РАЮ	0119
СОН	0120
ЛЕД И УГОЛЬ	0121
ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ	0122
ОБЛАКА	0123

НА ПЕСКЕ	0124
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ	0125
ТЕРЕМ	0126
ВИТЯЗЬ	0127
КАМНИ	0129
ПРЕЗРЕНИЕ	0130
К УСТЬЮ!	0131
ОДЫ И ПОСЛАНИЯ	0132
К. Д. БАЛЬМОНТУ	0132
ЕМУ ЖЕ	0134
ЛЕВ СВЯТОГО МАРКА	0135
ВЕНЕЦИЯ	0137
ПАМЯТИ И. КОНЕВСКОГО	0138
АНДРЕЮ БЕЛОМУ	0139
МЛАДШИМ	0140
ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ	0141
З. Н. ГИППИУС	0142
В. И. ПРИБЫТКОВУ Застольная речь	0143
ИЮЛЬ 1908	0144
ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ	0146
ГОРОД ЖЕНЩИН	0146
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ	0151
ВО ХРАМЕ БЭЛА	0155

Валерий Брюсов
URBI ET ORBI[1]
1901–1903

*К. Д. Бальмонту,
другу и брату*

ВСТУПЛЕНИЯ

**«По улицам узким, и в шуме, и
ночью, в театрах...»**

По улицам узким, и в шуме, и ночью, в те-
атрах,
в садах я бродил,
И в явственной думе грядущее видя, за
жизнью,
за сущим следил.
Я песни слагал вам о счастье, о страсти, о
высях,
границах, путях,
О прежних столицах, о будущей власти,
о всем распростертом во прах.
Спокойные башни, и белые стены,
и пена раздробленных рек,
В восторге всегдашнем, дрожали, внимали
стихам,
прозвучавшим навек.
И девы и юноши встали, встречая, венчая
меня,
как царя,

И, теням подобно, лилась по ступеням
потокком широким заря.

Довольно, довольно! я вас покидаю! берите
и сны и слова!

Я к новому раю спешу, убегаю, мечта неиз-
менно жива!

Я создал, и отдал, и поднял я молот,
чтоб снова сначала ковать.

Я счастлив и силен, свободен и молод, тво-
рю,

чтобы кинуть опять!

Апрель 1901

ЛЕСТНИЦА

Всё каменной ступени,
Всё круче, круче всход.
Желанье достижений
Еще влечет вперед.
Но думы безнадежней
Под пылью долгих лет.
Уверенности прежней
В душе упорной — нет.
Помедлив на мгновенье,
Бросаю взгляд назад:
Как белой цепи звенья —

Ступеней острых ряд.
Ужель в былом ступала
На все нога моя?
Давно ушло начало,
В безбрежности края,
И лестница все круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтоб стать звездой падучей
На небе бытия?
Январь 1902

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНЬЕ

Где я последнее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду ль немислимое знанье,
Которое, таясь, люблю?
Приду ли в скит уединенный,
Горящий главами в лесу,
И в келью бред неутоленный
К ночной лампаде понесу?
Иль в городе, где стены давят,
В часы безумных баррикад,
Когда Мечта и Буйство правят,
Я слиться с жизнью буду рад?
Иль, навсегда приветив книги,

Веков мечтами упоен,
Я вам отдамся, — миги! миги! —
Бездонный, многозвенный сон?
Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена,
И вот опять, как алчный узник,
Смотрю на волю из окна.
Январь 1902

У СЕБЯ

Так все понятно и знакомо,
Ко всем изгибам глаз привык;
Да, не ошибся я, я — дома:
Цветы обоев, цепи книг...
Я старый пепел, не тревожу, —
Здесь был огонь и вот остыл.
Как змей на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чем прежде был.
Пусть много гимнов не допето
И не исчерпано блаженств,
Но чую блеск иного света,
Возможность новых совершенств!
Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем

И нежива, и холодна!
Лучей зрачки горят на росах,
Как серебром все залито...
Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду! иду! со мной — никто!
1901

ПОБЕГ

*И если, страстный, в час заветный,
Заслышу я мой трубный звук...
Tertia Vigilia*

Мой трубный зов, ты мной слышан
Сквозь утомленный, сладкий сон!
Альков, таинственен и пышен,
Нас облегал со всех сторон.
И в этой мгле прошли — не знаю, —
Быть может, годы и века.
И я был странно близок раю,
И жизнь шумела, далека.
Но вздрогнул я, и вдруг воспрянул,
И разорвал кольцо из рук.
Как молния, мне в сердце глянул
Победно возраставший звук.
И сон, который был так долог,

Вдруг кратким стал, как всё во сне.
Я распахнул тяжелый полог
И потонул в палящем дне.
В последний раз взглянул я свыше
В мое высокое окно:
Увидел солнце, небо, крыши
И города морское дно.
И странно мне открылась новой,
В тот полный и мгновенный миг,
Вся жизнь толпы многоголовой,
Заботы вспененный родник.
И я — в слезах, что снова, снова
Душе открылся мир другой,
Бегу от пышного алькова,
Безумный, вольный и нагой!
Август — октябрь 1901

РАБОТА

Здравствуй, тяжкая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноет сладостно рука!
Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!
Я хочу изведать тайны
Жизни мудрой и простой.
Все пути необычайны,
Путь труда, как путь иной.
В час, когда устанет тело
И ночлегом будет хлев, —
Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за напев?
Что восстанут за вопросы,
Опьянят что за слова
В час, когда под наши косы
Ляжет влажная трава?
А когда, и в дождь и в холод,
Зазвенит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,

Буду ль знать, что силен я?

Июль 1901

МЕЧТАНИЕ

О, неужели день придет,
И я в слезах и умиленьи
Увижу этот небосвод
Как верный круг уединенья.
Пойду в поля, пойду в леса
И буду там везде один я,
И будут только небеса
Друзьями счастья и унынья!
Мне ненавистна комнат тишь,
Мне тяжело входить под кровлю.
Люблю простор, люблю камыш,
Орла, летящего на ловлю.
Хочу дождя, хочу ветров,
И каждый день — менять жилище!
Упасть бессильным в тяжкий ров,
Среди слепцов бродить, как нищий.
Меж ними, где навис забор,
Я разделю их братский ужин,
А ночью встретит вольный взор
Лишь глубину да сеть жемчужин.
Случайный гость в толпе любой,

Я буду дорог, хоть и странен,
Смешон невольной похвальбой,
Но вечной бодростью желанен.
И женщина — подруга дня —
Ко мне прильнет, дрожа, ревнуя,
Не за стихи любя меня,
А за безумство поцелуя!
1900–1901

ИСКАТЕЛЬ

О прекрасная пустыня!
Прими мя в свою густыню.
Народный стих
Пришел я в крайние пустыни,
Брожу в лесах, где нет путей,
И долго мне не быть отныне
Среди ликующих людей!
За мной — последняя просека,
В грозящей чаще нет следа.
В напевы птиц зов человека
Здесь не врывался никогда.
Что я увижу? Что узнаю?
Как примут тишину мечты?
Как будут радоваться маю,
Встречая странные цветы?

Быть может, на тропах звериных,
В зеленых тайнах одичав,
Навек останусь я в лощинах
Впивать дыханье жгучих трав.
Быть может, заблудясь, устану,
Умру в траве под шелест змей,
И долго через ту поляну
Не перевьется след ничей.
А может, верен путь, и вскоре
Настанет невозможный час,
И минет лес — и глянет море
В глаза мне миллионом глаз,
30 сентября 1902

НИТЬ АРИАДНЫ

Вперяю взор, бессильно жадный:
Везде кругом сырая мгла.
Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?
Я помню сходы и проходы,
И зал круги, и лестниц винт,
Из мира солнца и свободы
Вступил я, дерзкий, в лабиринт.
В руках я нес клубок царевны,
Я шел и пел; тянулась нить.
Я счастлив был, что жар полдневный
В подземной тьме могу избыть.
И, увидев странные чертоги
И посмотрев на чудеса,
Я повернул на полдороге,
Чтоб выйти вновь под небеса,
Чтоб после тайн безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтоб целовать подругу в очи,
Прочтя заветные слова...
И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был все ядовитей

И гуще тьма... Вдруг нити — нет.
И я один в беззвучном зале.
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.
Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен.
Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает пришельцам он.
28 октября 1902

БЛУДНЫЙ СЫН

*Так отрок Библии, безумный расточи-
тель...*

Пушкин

Ужели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повергнут скорбью и стыдом!
Я уходил, исполнен веры,
Как лучник опытный на лов,
Мне снились тирские гетеры
И сон сидонских мудрецов.
И вот, что грезилось, все было:

Я видел все, всего достиг.
И сердце жгучих ласк вкусило,
И ум речей, мудрее книг.
Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, свершивший святотатство,
Бежал я в мир лесов и нив.
Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.
И вдруг таким недостижимым
Представился мне дом родной,
С его всходящим тихо дымом
Над высыхающей рекой!
Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я, —
Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия!
О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!
Ноябрь 1902 — январь 1903

У ЗЕМЛИ

*Я б хотел забыться и заснуть.
Лермонтов*

Помоги мне, мать-земля!
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деля,
Я стучусь к тебе лопатой.
Ты всему живому — мать,
Ты всему живому — сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха!
Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.
Помоги сыскать кольцо!..
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.
Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядах, недавно взрытых.

Я — твой сын, я тоже — прах,
Я, как ты, — звено созданию.
Так откуда — страсть, и страх,
И бессонный бред исканий?
В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?.
Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой!
Или ты, в ответ мольбе,
Обручишь меня — с могилой?
1902

В ОТВЕТ

П. П. Перцову

*Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.
А. Хомяков*

Еще я долго поброжу
По бороздам земного луга,
Еще не скоро отрешу
Вола усталого — от плуга.
Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!
Нельзя нам мига отдохнуть,
Взрывавай земли сухие глыбы!
Недолог день, но длинен путь,
Веди, веди свои изгибы!
Уж полдень. Жар палит сильнее.
Не скоро тень над нами ляжет.
Пустынен кругозор полей.
«Бог помочь!» — нам никто не скажет.
А помнишь, как пускались мы

Весенним, свежим утром в поле
И думали до сладкой тьмы
С другими рядом петть на воле?
Забудь об утренней росе,
Не думай о ночном покое!
Иди по знойной полосе,
Мой верный вол, — нас только двое!
Нам кем-то высшим подвиг дан,
И спросит властно он отчета.
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!
А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот, другой, — мечта, —
Сам отрешит тебя от плуга!

24 августа 1902

ПЕСНИ

ФАБРИЧНАЯ

«Как пойду я по бульвару...»

Как пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарил он ей цветок —
Темно-синий василек.
Я ль не звал ее в беседку?
Предлагал я ей браслетку.
Она сердца не взяла
И с другим гулять пошла.
Как они друг другу любви!
Он ее целует в губы,
И не стыдно им людей,
И меня не видно ей.
Он улестит, он упросит,
Стыд девичий она бросит!
Их до дома провожу,
Перед дверью посижу.
Будет лампы свет в окошке...
Различу ее сережки...
Вдруг погаснет тихий свет, —

Я вздохну ему в ответ.
Буду ждать я утра в сквере,
Она выйдет из той двери.
На груди ее цветок —
Темно-синий василек.
23 декабря 1900

ФАБРИЧНАЯ

«Есть улица в нашей столице...»

Есть улица в нашей столице.
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневице
Лежишь на одре роковом.
И каждую ночь регулярно
Я здесь под окошком стою,
И сердце мое благодарно,
Что видит лампадку твою.
Ах, если б ты чуяла, знала,
Чье сердце стучит у окна!
Ах, если б в бреду угадала,
Чья тень поминутно видна!
Не снятся ль тебе наши встречи
На улице, в жуткий мороз,
Иль наши любовные речи,

И ласки, и ласки до слез?
Твой муж, задремавши па стуле,
Проспит, что ты шепчешь в бреду;
А я до зари караулю
И только при солнце уйду.
Мне вечером дворники скажут,
Что ты поутру отошла,
И молча в окошко укажут
Тебя посредине стола.
Войти я к тебе не посмею,
Но, земный поклон положив,
Пойду из столицы в Расею
Рыдать на раздолии нив.
Я в камнях промучился долго,
И в них загубил я свой век.
Прими меня, матушка-Волга,
Царица великая рек.
28 июня 1901

ДЕТСКАЯ

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!
Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь.
Черной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.
Что под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? кто в короне?
Ветер высью листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?
Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.
Август 1901

СБОРЩИКОВ

Пожертвуйте, благодетели,
На новый колокол —
Глас господень.
Звон колокольный
С напевом ангельским
Дивно сходен.
Святые отшельники
В виденьях слышали
Лик небесный;
Святые отшельники
Верно запомнили
Нездешние песни.
Наш звон православный
Напевом ангельским
Поет и трубит.
Пожертвуйте, православные,
На новый колокол,
Что милость будет.
Вас бог не забудет.
24 августа 1898

ДЕВИЧЬЯ

То-то жизнь наша прискорбна:
Мы весь день разлучены!
Но зато всю ночь подробно
Про тебя я вижу сны.
Как ты, бедный друг, страдаешь
Под гуденье, за станком,
Как, закрыв лицо, рыдаешь,
Что с весельем незнаком.
Что мне сделать, неудачной?
Чем мне милому помочь?..
Полно мне считаться прачкой!
Я уйду на долгу ночь.
Полюблюсь на тротуаре
Я богатому купцу,
Укачу я с ним на паре,
До утра с ним прокучу.
Будут серьги, будет брошка,
Будут деньги в портмоне.
Я себе возьму немножко, —
За другим приди ко мне.
Подарю тебе часы я
На цепочке золотой...
Может, деньги и чужие,

Да подарок будет мой!
Если с кем я целовалась,
Он уехал в Верею.
Я тебе верна осталась,
Ты, которого люблю.
1901

ВЕСЕЛАЯ

Дай мне, Ваня, четвертак,
Пожертвуй полтинник!
Что ты нынче весел так,
Словно именинник?
Раскошешься до гроша,
Не теряй минуты.
Или я не хороша?
Мои плечи круты!
Надо жить, чтоб пьяной быть
До обеда, в лежку,
Чтоб поутру не тужить
Про нашу дорожку.
Чтобы щеки от тех слез,
Белые, не пухли,
Я румянюсь ярче роз,
Подвиваю букли.
Если ж станет невтерпеж

С мутного похмелья,
Ты опять, опять придешь,
Принесешь веселья.
Буду ждать я час-другой,
Где-то мой сударик?
Помни, помни, друг милой,
Красненький фонарик!
6 сентября 1901

БАЛЛАДЫ

РАБ

Я — раб, и был рабом покорным
Прекраснейшей из всех цариц.
Пред взором, пламенным и черным,
Я молча повергался ниц.
Я лобызал следы сандалий
На влажном утреннем песке.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла к реке.
И раз — мой взор, сухой и страстный,
Я удержать в пыли не мог,
И он скользнул к лицу прекрасной
И очи бегло ей обжег...
И вздрогнула она от гнева,
Казнь — оскорбителям святынь!
И вдаль пошла — среди напева
За ней толпившихся рабынь.
И в ту же ночь я был прикован
У ложа царского, как пес.
И весь дрожал я, очарован
Предчувствием безвестных грез.

Она вошла стопой неспешной,
Как только жрицы входят в храм,
Такой прекрасной и безгрешной,
Что было тягостно очам.
И падали ее одежды
До ткани, бывшей на груди...
И в ужасе сомкнул я вежды...
Но голос мне шепнул: гляди!
И юноша скользнул к постели.
Она, покорная, ждала...
Лампад светильни прошипели,
Настала тишина и мгла.
И было все на бред похоже!
Я был свидетель чар ночных,
Всего, что тайно кроет ложе,
Их содроганий, стонов их.
Я утром увидал их — рядом!
Еще дрожащих в смене грез!
И вплоть до дня впивался взглядом, —
Прикован к ложу их, как пес.
Вот сослан я в каменоломню,
Дроблю гранит, стирая кровь.
Но эту ночь я помню! помню!
О, если б пережить все — вновь!
Ноябрь 1900

ПЕПЛУМ

Знаю сумрачный наход
Страсти, медленно пьянящей:
Словно шум далеких вод,
Водопад, в скалах кипящий.
Я иду, иду одна
Вдоль стены, укрыта тенью;
Знаю: ночь посвящена
Наслажденью и паденью.
Статный юноша пройдет,
Щит о меч случайно брякнет, —
Громче шум бегущих вод,
Водопад мой не иссякнет!
Наконец, без сил, без слов,
Дрожь в руках и взоры смутны,
Я слышу жданный зов —
Быть подругою минутной.
Я пойду за ним, за ним
В переулок опустелый,
Черный плащ его, как дым,
Пеплум мой, как саван белый.
Я войду к нему, к нему...
О, скорей гасите свечи!
Я хочу вступить во мглу.

Свет померк, померкли речи.
Кто-то... где-то... чьих-то рук
Слышу, знаю впечатленья.
Я хочу жестоких мук,
Ласк и мук без промедленья.
Набегают сумрак вновь,
Сумрак с отсветом багряным,
Это ль пламя? это ль кровь?
Кровь, текущая по ранам?
Ночь — как тысяча веков,
Ночь — как жизнь в полях за Летой.
Гасну в запахе цветов,
Сплю в воде, лучом согретой...
...В прорезь узкого окна
Глянет утро взором белым.
Прочь! оставь! — иду одна
Переулком опустелым.
Сладко нежит тишина,
С тишиной роднится тело,
Стен воскресших белизна
Оттеняет пеплум белый.

15 октября 1900

ПОМПЕЯНКА

«**М**не первым мужем был купец богатый,
Вторым поэт, а третьим жалкий
мим,

Четвертым консул, ныне евнух пятый,
Но кесарь сам меня сосватал с ним.
Меня любил империи владыка,
Но мне был люб один нубийский раб,
Не жду над гробом: „casta et pudica“ [2]
Для многих пояс мой был слишком слаб.
Но ты, мой друг, мизиец мой стыдливый!
Навек, навек тебе я предана.
Не верь, дитя, что женщины все лживы:
Меж ними верная нашлась одна!»
Так говорила, не дыша, бледнея,
Матрона Лидия, как в смутном сне,
Забыв, что вся взволнована Помпея,
Что над Везувием лазурь в огне.
Когда ж без сил любовники застыли
И покорил их необорный сон,
На город пали груды серой пыли,
И город был под пеплом погребен.
Века прошли; и, как из алчной пасти,
Мы вырвали былое из земли.

И двое тел, как знак бессмертной страсти,
Нетленными в объятиях нашли.
Поставьте выше памятник священный,
Живое изваянье вечных тел,
Чтоб память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предел!
17 сентября 1901

ПУТНИК

По беломраморным ступеням
Царевна сходит в тихий сад —
Понежить грудь огнем осенним,
Сквозной листвой понежить взгляд.
Она аллеей к степи сходит,
С ней эфиопские рабы.
И солнце острый луч наводит
На их лоснящиеся лбы.
Где у границ безводной степи,
Замкнув предел цветов и влаг,
Стоят столбы и дремлют цепи, —
Царевна задержала шаг.
Лепечут пальмы; шум фонтанный
Так радостен издалека,
И ветер, весь благоуханный,
Летит в пустыню с цветника.

Царевна смотрит в детской дрожи,
В ее больших глазах — слеза.
Красивый юноша-прохожий
Простерся там, закрыв глаза.
На нем хитон простой и грубый,
У ног дорожная клюка.
Его запекшиеся губы
Скривила жажда и тоска.
Совет царевна: «Брат безвестный,
Приди ко мне, сюда, сюда!
Вот здесь плоды в корзине тесной,
Вино и горная вода.
Я уведу тебя к фонтанам,
Рабыни умастят тебя.
В моем покое златотканом
К тебе я припаду, любя».
И путник, взор подняв неспешно,
Глядит, как царь, на дочь царя.
Она — прекрасна и безгрешна,
Она — как юная заря.
Но он в ответ: «Сойди за цепи,
И кубок мне сама подай!»
Закрыв глаза бедняк из степи.
Фонтаны бьют. Лепечет рай.
Бледнеет и дрожит царевна.

Лежат невольники у ног.
Она растерянно и гневно
Бросает кубок на песок.
Идет к дворцу аллеей сада,
С ней эфиопские рабы...
И смех чуть слышен за оградой,
Где степь, и цепи, и столбы.
1903

РЕШЕТКА

Между нами частая решетка,
В той тюрьме, где мы погребены.
Днем лучи на ней мерцают кротко,
Проходя в окно, в верху стены.
Между нами кованые брусья,
Проволок меж них стальная сеть.
До твоей руки не дотянусь я, —
В очи только можем мы смотреть...
Тщетно ближу губы сладострастно, —
Лишь железо обжигает их...
Смутно вижу, в полутьме неясной,
У решетки — очерк губ твоих.
И весь день, пока на темной стали
Там и сям мелькает луч дневной,
В содроганьях страсти и печали

Упиваюсь я тобой, ты — мной!
Нас разводит сумрак. На соломе
Мы лежим, уйдя в свои углы;
Там томимся в сладострастной дреме,
Друг о друге грезим в тайне мглы.
Но опять у роковой преграды
Мы, едва затеплятся лучи.
И, быть может, нет для нас отрады
Слаще пытки вашей, палачи!
28 сентября 1902

У МОРЯ

Когда встречалось в детстве горе
Иль беспричинная печаль, —
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.
Нередко на скале прибрежной
Дни проводила я одна,
Внимала волнам и прилежно
Выглядывала тайны дна:
На водоросли любовалась,
Следила ярких рыб стада...
И все прозрачней мне казалась
До бесконечности вода.
И где-то в глубине бездонной

Я различала наконец
Весь сводчатый и стоколонный
Царя подводного дворец.
В блестящих залах из коралла,
Где жемчугов сверкает ряд,
Я, вся волнуясь, различала
Подводных дев горящий взгляд.
Они ко мне тянули руки,
Шептали что-то, в глубь маня, —
Но замирали эти звуки,
Не достигая до меня.
И знала я, что там, глубоко,
Есть души, родственные мне;
И я была не одинока
Здесь, на палящей вышине!
Когда душе встречалось горе
Иль беспричинная печаль, —
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.
3 февраля 1902

ДУМЫ

L'ENNUI DE VIVRE... [3]

Я жить устал среди людей и в днях,
Устал от смены дум, желаний, вкусов,
От смены истин, смены рифм в стихах.
Желал бы я не быть «Валерий Брюсов».
Не пред людьми — от них уйти легко, —
Но пред собой, перед своим сознанием, —
Уже в былое цепь уходит далеко,
Которую зовут воспоминанием.
Склоняюсь, иду вперед, растущий груз вла-
ча:
Дней, лет, имен, восторгов и падений.
Со мной мои стихи бегут, крича,
Грозят мне замыслов недовершенных те-
ни,
Слепят глаза сверканья без числа
(Слова из книг, истлевших в сердце-скле-
пе),
И женщин жадные тела
Цепляются за звенья цепи.
О, да! вас, женщины, к себе воззвал я сам

От ложа душного, из келий, с перепутий,
И отдавались мы вдвоем одной минуте,
И вместе мчало нас течение по камням.
Вы скованы со мной небесным, высшим
браком,

Как с морем воды впавших рек,
Своим я вас отметил знаком,
Я отдал душу вам — на миг, и тем навек.
Иные умерли, иные изменили,
Но все со мной, куда бы я ни шел.
И я влеку по дням, клонясь как вол,
Изнемогая от усилий,
Могильного креста тяжелый пьедестал:
Живую груды тел, которые ласкал,
Которые меня ласкали и томили.
И думы... Сколько их, в одеждах золотых,
Заветных дум, лелеянных с любовью,
Принявших плоть и оживленных кровью!..
Я обречен вести всю бесконечность их.
Есть думы тайные — и снова в детской
дрожи,

Закрыв лицо, я падаю во прах...

Есть думы светлые, как ангел божий,
Затерянные мной в холодных днях.

Есть думы гордые — мои исканья бога, —

Но оскверненные притворством и игрой,
Есть думы-женщины, глядящие так строго,
Есть думы-карлики с изогнутой спиной...
Куда б я ни бежал истоптанной дорогой,
Они летят, бегут, ползут — за мной!
А книги... Чистые источники услады,
В которых отражен родной и близкий лик,

Учитель, друг, желанный враг, двойник —
Я в вас обрел все сладости и яды!
Вы были голубем в плывущий мой ковчег
И принесли мне весть, как древле Ною,
Что ждет меня земля, под пальмами ноч-
лег,

Что свой алтарь на камнях я построю...
С какою жадностью, как тесно я приник
К стоцветным стеклам, к окнам вещей
книг,

И увидал сквозь них просторы и сиянья,
Лучей и форм безвестных сочетанья,
Услышал странные, родные имена:..
И годы я стоял, безумный, у окна!
Любуясь солнцами, моя душа ослепла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И все мои мечты распались горстью пепла.

О, если б все забыть, быть вольным, одино-
ким,

В торжественной тиши раскинутых полей,
Идти своим путем, бесцельным и широ-
ким,

Без будущих и прошлых дней.
Срывать цветы, мгновенные, как маки,
Впивать лучи, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мраке,
Без горькой радости воскреснуть вновь и
вновь!

1902

HA BET ILLA IN ALVO[4]

Ее движенья неспорны,
Она ступает тяжело,
Неся сосуд нерукотворный,
В который небо снизошло.
Святому таинству причастна
И той причастностью горда,
Она по-новому прекрасна,
Вне вожделений, вне стыда.
В ночь наслажденья, в миг объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатая,

О чем не ведала она!
В изнеможеньи и в истоме
Она спала без грез, без сил,
Но, как в эфирном водоеме,
В ней целый мир уже почил.
Ты знал ее меж содроганий
И думал, что она твоя...
И вот она с безвестной грани
Приносит тайну бытия!
Когда мужчина встал от роковой постели,
Он отрывает вдруг себя от чар ночных,
Дневные яркости на нем отяготели,
И он бежит в огне — лучей дневных.
Как пахарь бросил он зиждительное семя,
Он снова жаждет дня, чтоб снова изне-
мочь, —

Ее ж из рук своих освобождает Время,
На много месяцев владеет ею Ночь!
Ночь — Тайна — Мрак — Неведомое — Чу-
до,

Нам непонятное, что приняла она...
Была любовь и миг, иль только трепет блу-
да, —

И вновь вселенная в душе воплощена!
Ребекка! Лия! мать! с любовью или злобой

Сокрытый плод нося, ты служишь, как раба,

Но труд ответственный дала тебе судьба:
Ты охраняешь мир таинственной утробой.
В ней сберегаешь ты прошедшие века,
Которые преемственностью живы,
Лелеешь юности красивые порывы
И мудрое молчанье старика.

Пространство, время, мысль — вмещаешь
дважды ты,

Вмещаешь и даешь им новое течение:
Ты, женщина, ценой деторожденья
Удерживаешь нас у грани темноты!
Неси, о мать, свой плод! внемли глубокой

дрожи,

Таи дитя, оберегай, питай
И после, в срочный час, припав на ложе,
Яви земле опять воскресший май!
Свершилось, Сон недавний явен,
Миг вожделенья воплощен:
С тобой твой сын пред богом равен,
Как ты сама — бессмертен он!
Что было свято, что преступно,
Что соблазняло мысль твою,
Ему открыто и доступно,

И он как первенец в раю.
Что пережито — не вернется,
Берем мы миги, их губя!
Ему же солнце улыбнется
Лучом, погасшим для тебя!
И снова будут чисты розы,
И первой первая любовь!
Людьми изведенные грезы
Неведомыми станут вновь.
И кто-то, сладкий яд объятая
Вдохнув с дыханьем темноты
(Быть может, также в час зачатья),
В его руках уснет, как ты!
Иди походкой неспешной,
Неси священный свой сосуд,
В преддверьи каждой ночи грешной
Два ангела с мечами ждут.
Спадут, как легкие одежды,
Мгновенья радостей ночных.
Иные, строгие надежды
Откроются за тканью их.
Она покров заветной тайны,
Сокрытой в явности веков,
Но неземной, необычайный,
Огнем пронизанный покров.

Прими его, покрой главу им,
И в сумраке его молись,
И верь под страстным поцелуем,
Что в небе глубь и в бездне высь!
Июль 1902

ИСКУШЕНИЕ

Я иду. Спотыкаясь и падая ниц,
Я иду.

Я не знаю, достигну ль до тайных границ,
Или в знойную пыль упаду,
Иль уйду, соблазненный, как первый в
раю,

В говорящий и манящий сад,
Но одно — навсегда, но одно — сознаю;
Не идти мне назад!

Зной горит, и губы сухи.

Дали строят свой мираж,

Манят тени, манят духи,

Шепчут дьяволы: «Ты — наш!»

Были сонмы поколений,

За толпой в веках толпа.

Ты — в неистовстве явлений,

Как в пучине вод щепя.

Краткий срок ты в безднах дышишь,

Отцветает, чуть возник.
Что ты видишь, что ты слышишь,
Изменяет каждый миг.
Не упомнишь слов священных,
Сладких снов не сбережешь!
Нет свершений не мгновенных,
Таёт истина, как ложь.
И сквозь пальцы мудрость мира
Протекает, как вода,
И восторг блестящий пира
Исчезает навсегда.
Совершив свой путь тяжелый,
С бою капли тайн собрав,
Ты пред смертью встанешь голый,
О мудрец, как сын забав!
Если ж смерть тебе откроет
Тайны все, что ты забыл,
Так чего ж твой подвиг стоит!
Так зачем ты шел и жил!
Все не нужно, что земное,
Шепчут дьяволы: «Ты — наш!»
Я иду в бездонном зное...
Дали строят свой мираж.
«Ты мне ответишь ли, о Суций,
Зачем я жажду тех границ?»

Быть может, ждет меня грядущий,
И я пред ним склоняюсь ниц?
О сердце! в этих теньях века,
Где истин нет, иному верь!
В себе люби сверхчеловека...
Явись, наш бог и полужверь!
Я здесь свершаю путь бесплодный,
Бесмысленный, бесцельный путь,
Чтоб наконец душой свободной
Ты мог пред Вечностью вздохнуть.
И чуют проблеск этой дрожи,
В себе угадывать твой вздох —
Мне всех иных блаженств дороже...
На краткий миг, как ты, я — бог!»

Гимн

Вновь закат оденет
Небо в багрянец.
Горе, кто обменяет
На венок — венец.
Мраком мир не связан,
После ночи — свет.
Кто миропомазан,
Доли лучшей нет.
Утренние зори —
Блеск небесных крыл.

В этом вечном хоре
Бог вас возвестил.
Времени не будет,
Ночи и зари...
Горе, кто забудет,
Что они — цари!
Все жарче зной. Упав на камне,
Я отдаюсь огню лучей,
Но мука смертная легка мне
Под этот гимн, не знаю чей.
И вот все явственней, телесней
Ко мне, простершемуся ниц,
Клонятся, с умиленной песней,
Из волн воздушных сонмы лиц.
О, сколько близких и желанных,
И ты, забытая, и ты!
В чертах, огнями осиянных,
Как не узнать твои черты!
И молнии горят сапфиром,
Их синий отблеск — вечный свет.
Мой слабый дух пред лучшим миром
Уже слышал свой привет!
Но вдруг подымаюсь я, вольный и дикий,
И тени сливаются, гаснут в огне.
Шатаюсь, кричу я, — и хриплые крики

Лишь коршуны слышат в дневной тишине.

«Я жизни твоей не желаю, гробница,
Ты хочешь солгать, гробовая плита!
Так, значит, за гранью — вторая граница,
И смерть, как и жизнь, только тень и черта?»

Так, значит, за смертью такой же бесплодный,

Такой же бесцельный, бессмысленный путь?

И то же мечтанье о воле свободной?

И та ж невозможность во мгле потонуть?

И нет нам исхода! и нет нам предела!

Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!

Для воли, для духа, для мысли, для тела

Единая, та же, все та же стезя!»

Кричу я. И коршуны носятся низко,

Из дали таинственной манит мираж.

Там пальмы, там влага, так ясно, так близко,

И дьяволы шепчут со смехом: «Ты — наш!»

1902

ИТАЛИЯ

Страна, измученная страстностью судьбы!
Любовница всех роковых столетий!
Тебя народы чтили, как рабы,
И императоры, как дети.
Ты с трона цезарей судила властно мир
И большой мир из Ватикана.
Былая власть твоя — низверженный ку-
мир,
Но человечество твоим прошедшим пьяно.
Твои художники на зыбкости холста
Запечатлели сны, каких не будет дважды!
Они — к источникам открытые врата
Для всех, томящихся от безысходной жаж-
ды!
На все пути души ты простирала жезл,
Как знак владычества, — и люди были ра-
ды,
Ниц преклоненные у величавых чресл,
Лобзать края одежд, ловить слова и взгля-
ды.
Италия! священная царица!
Где ныне скипетр твой и лавровый венец?
Разломана твоя золотая колесница,

Раскрыты двери в твой дворец.
Италия! несчастная блудница,
И вот к чему пришла ты, наконец!
В лоскутках мантии и в платье устарелом,
Улыбкой искривив надменно-строгий рот,
Ты вышла торговать еще прекрасным те-
лом,

И в ложницу твою — открыт за деньги
вход.

Мы смеем все вкусить от ласк, святых, бы-
вало!

Мы можем все тебя увидеть в наготе!
Как женщина, ты всем доступной стала,
И стыдно нам тебя узнать в мечте!
Но еще ты прекрасна, Италия!
Под заемной краской румян,
И с наглостью робкой во взоре!
Прекраснее всех униженных стран,
К которым покорно ласкается пленное мо-
ре.

В лагунах еще отражаются
Дворцы вознесенной Венеции —
Единственный город мечты,
И гордые замки вздымаются
В суровой и нежной Флоренции,

Где создан был сон красоты.
И Рим, чародатель единственный,
Ужасный в величье своем,
Лежит не живой, но таинственный,
Волшебным окованный сном.
Нетленные рощи лимонные
Под немислимым небом цветут.
Горы, — в белых цветах новобрачные!
Воды, собой опьяненные,
Озаряя гроты прозрачные,
Говорят и живут!
Ты прекрасна, Италия,
От Альп крепковейных до ясной Капреи
И далее,
До пустынь когда-то богатой Сицилии,
Где сирокко, устав и слабея,
Губит высокие лилии,
Цветы святого Антония, —
Ты прекрасна, Италия,
Как знакомая сердцу гармония!
Я пришел к тебе усталый,
Путь недавний потеряв,
Беспокойный, запоздалый,
Напрямик по влаге трав.
И случайные скитальцы

Мир нашли в твоём дворце...
О, как нежно эти пальцы
На моем легли лице!
Как прижавшееся тело
Ароматно и свежо!
Пусть притворство, что за дело!
Пусть обман, мне хорошо!
В этой нежности мгновенной,
Может, тайно, разлита,
Непритворна и чиста,
Ласка матери вселенной.
Июнь 1902
Венеция

ПАРИЖ

Ия к тебе пришел, о город многоликий,
К просторам площадей, в открытые дворцы;

Я полюбил твой шум, все уличные крики:

Напев газетчиков, бичи и бубенцы;

Я полюбил твой мир, как сон, многообраз-
ный

И вечно дышащий, мучительно-живой...

Твоя стихия — жизнь, лишь в ней твои со-
блазны,

Ты на меня дохнул — и я навеки твой.

Порой казался мне ты беспощадно старым,

Но чаще ликовал, как резвое дитя,

В вечерний, тихий час по меркнувшим
бульварам

Меж окон блестящих людской поток катя.

Сверкали фонари, окутанные пряжей

Каштанов царственных; бросали свой при-
зыв

Огни ночных реклам; летели экипажи,

И рос, и бурно рос глухой, людской при-
лив.

И эти тысячи и тысячи прохожих

Я сознавал волной, текущей в новый век.
И жадно я следил течение вольных рек,
Сам — капелька на дне в их каменистых
ложах,

А ты стоял во мгле — могучим, как судьба,
Колоссом, давящим бесчисленные рати...
Но не скудел пеан моих безумных братии,
И Города с Людьми не падала борьба...
Когда же, утомлен виденьями и светом,
Искал приюта я — меня манил собор,
Давно прославленный торжественным по-
этом...

Как сладко здесь мечтал мой воспаленный
взор,
Как были сладки мне узорчатые стекла,
Розетки в вышине — сплетенья звезд и
лиц,

За ними суета невольно гасла, блекла,
Пред вечностью душа распростиралась
нищ...

Забыв напев псалмов и тихий стон органа,
Я видел только свет, святой калейдоскоп,
Лишь краски и цвета сияли из тумана...
Была иль будет жизнь? и колыбель? и
гроб?

И начинал мираж вращаться вокруг, сме-
няя

Все краски радуги, все отблески огней.

И краски были мир. В глубоких безднах
рая

Не эти ль образы, века, не утомляя,
Ласкают взор ликующих теней?

А там, за Сеной, был еще приют священ-
ный.

Кругообразный храм и в бездне саркофаг,
Где, отделен от всех, спит император плен-
ный, —

Суровый наш пророк и роковой наш враг!

Сквозь окна льется свет, то золотой, то си-
ний,

Неяркий, слабый свет, таинственный, как
мгла.

Прозрачным знаменем дрожит он над свя-
тыней,

Сливаясь с веяньем орлиного крыла!

Чем дальше здесь стоишь, тем все кругом
безгласней,

Но в жуткой тишине растет беззвучный
гром,

И оживает все, что было детской басней,

И с невозможностью стоишь к лицу лицом!

Он веком властвовал, как парусом матросы,

Он миллионам душ указывал их смерть;
И сжали вдруг его стеной тюрьмы утесы,
Как кровля, налегла расплавленная
твердь.

Заснул он во дворце — и взор открыл в
темнице,

И умер, не поняв, прошел ли страшный
сон...

Иль он не миновал? ты гредишь, что в
гробнице?

И вдруг войдешь сюда — с жезлом и в багрянице, —

И пред тобой падем мы ниц, Наполеон!

И эти крайности! — все буйство жизни нашей,

Средневековый мир, величье страшных
дней, —

Париж, ты съединил в своей священной
чаше,

Готовя страшный яд из песен и идей!
Ты человечества — Мальстрем. Напрасно

люди

Мечтают от твоих влияний ускользнуть!

Ты должен все смешать в чудовищном со-
суде.

Блестит его резьба, незримо тает муть.

Ты властно всех берешь в зубчатые колеса,

И мелешь души всех, и веешь легкий прах.

А слезы вечности кропят его, как росы...

И ты стоишь, Париж, как мельница, в ве-
ках!

В тебе возможности, в тебе есть дух движе-
нья,

Ты вольно окрылен, и вольных крыльев
тень

Ложится и теперь на наши поколения,

И стать великим днем здесь может каж-
дый день.

Плотины баррикад вонзал ты смело в сте-
ны,

И замыкал поток мятущихся времен,

И раздроблял его в красивых брызгах пе-
ны.

Он дальше убегал, разбит, преображен.

Вторгались варвары в твой сжатый круг,
крушили

Заветные углы твоих святых дворцов,
Но был не властен меч над тайной вечной
были:

Как феникс, ты взлетал из дыма, жив и
нов.

Париж не весь в домах, и в том иль в этом
лице:

Он часть истории, идея, сказка, бред.
Свое бессмертие ты понял, о великий,
И бреду твоему исчезновенья — нет!

1903

Париж

МИР

Я помню этот мир, утраченный мной с дет-
ства,

Как сон непонятый и прерванный, как
бред...

Я берегу его — единое наследство

Мной пережитых и забытых лет.

Я помню формы, звуки, запах... О! и запах!

Амбары темные, огромные кули,

Подвалы под полом, в грудях земли,

Со сходами, припрятанными в трапах,

Картинки в рамочках на выцветшей стене,

Старинные скамьи и прочные конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свет незор-
кий,

Лежащий без теней в ленивой тишине,
И запах надо всем, нежалящие когти
Вонзающий в мечты, в желанья, в речь, во
все!

Быть может, выросший в веревках или дег-
те,

Иль вползший, как змея, в безлюдное жи-
лье,

Но царствующий здесь над всем житей-
ским складом,

Проникший все насквозь, держащий все в
себе!

О, позабытый мир! и я дышал тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе!

Я помню: за окном, за дверью с хриплым
блоком

Был плоский и глухой, всегда нечистый
двор.

Стеной и вывеской кончался кругозор
(Порой закат блестел на куполе далеко).
И этот старый двор всегда был пуст и тих,
Как заводь сорная, вся в камышах и тине...

Мелькнет монахиня... Купец в поддевке
синей...

Поспешно пробегут два юрких половых...

И снова душный сон всех звуков, красок,
линий.

Когда въезжал сюда телег тяжелый ряд,
С самоуверенным и беспощадным скри-
пом, —

И дюжим лошадям, и безобразным кипам,
И громким окрикам сам двор казался рад.
Шумели молодцы, стуча вскрывались лю-
ки,

Мелькали руки, пахло кумачом...

Но проходил тот час, вновь умирали звуки,
Двор застывал во сне, привычном и
немом...

А под вечер опять мелькали половые,
Лениво унося порожние судки...

Но поздно... Главы гаснут золотые.

Углы — приют теней — темны и глубоки.

Уже давно вся жизнь влачится несправ-
ней,

Мигают лампы, пахнет керосин...

И скоро вынесут на волю, к окнам, ставни,
И пропоет замок, и дом заснет — один.

Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним в од-
но.

Я мальчиком глядел в то пыльное окно,
У сумрачных весов играл в большие гири
И лазил по мешкам в сараях, где темно.
Мечтанья детские в те дни уже светлели;
Мне снились: роци пальм, безвестный
океан,

И тайны полюсов, и бездны подземелий,
И дерзкие пути междупланетных стран.
Но дряхлый, ветхий мир на все мои химе-
ры

Улыбкой отвечал, как ласковый старик.
И тихо надо мной — ребенком — ник,
Громадный, неподвижный, серый.
И что-то было в нем родным и близким
мне.

Он глухо мне шептал, и понимал его я...
И смешивалось все, как в смутном сне:
Мечта о неземном и сладкий мир покоя...

.....

Недавно я прошел знакомым переулком
И не узнал заветных мест совсем.
Тот, мне знакомый, мир был тускл и нем —

Теперь сверкало все, гремело в гуле гул-
ком!

Воздвиглись здания из стали и стекла,
Дворцы огромные, где вольно бродят взоры...

Разрыты навсегда таинственные норы,
Бесстрастный свет вошел туда, где жалась
мгла.

И лица новые, и говор чужд... Все ново!
Как сказка смелая — воспоминанья лет!
Нет даже и во мне тогдашнего былого,
Напрасно я ищу в душе желанный след...
В душе все новое, как в городе торговли,
И мысли, и мечты, и чаянья, и страх.
Я мальчишкой мечтал о будущих годах:
И вот они пришли... Ну что же? Я таков ли,
Каким желал я быть? Добыл ли я венец?
Иль эти здания, все из стекла и стали,
Восставшие в душе как призрачный дво-
рец,

Все утоленные восторги и печали,
Все это новое — напрасно взяло верх
Над миром тем, что мне — столетья заве-
щали,

Который был моим, который я отверг!

1903

Москва

IN HAC LACKIMARUM VALLE[5]

Весь долгий путь свершив, по высям и низинам,

Твои зубцы я вижу, наконец,

О горный кряж веселости и смеха!

В рассветный час ты вырос исполином,

Как до небес воздвигнутый дворец,

И гулко на привет твое мне вторит эхо.

За мной падений стыд и боль палящих ран,

Теснины скал и быстрины потоков,

За мной покинутый в равнине бранный стан,

За мной пустыня — мир безумцев и пророков.

Кругом меня — немые тополя,

Как женщины, завернутые строго.

Свивается причудливо дорога,

Вся белая, мглу надвое деля.

И лилии, закрыв в сыром тумане

Кадилаьницы ночных благоуханий,

Сгибают выгибы упругого стебля.

Чу! ближний ключ запел неравномерно...
Долина слез! чье имя как печаль!
Как все в тебе неясно и неверно.
Но для меня уже белеет даль,
Я вышел из страны позора и успеха,
Снимаю я с своей главы венцы.
Уже блещут в огне, уже блещут зубцы,
Твои — о кряж торжественного смеха!
Я взойду при первом дне
Хохотать к зубцам, на выси,
И на смех завторят мне
Неумолчным смехом рыси.
Стану рыскать наугад
Вверх и вниз я лугом, лесом:
Встречный друг и вечный брат
С нимфой, с зверем, с богом, с бесом.
Повлекут меня с собой
К играм рыжие силены;
Мы натешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.
Всем настанет череда
Выпить острый сок услады.
Лица скроют от стыда
В чащах белые дриады.
Зовут меня в свой грот

Скальных недр владыки — гномы.
Буду пить я дикий мед,
Гость желанный и знакомый.
Я сдою им про Грааль,
То-то будет им веселье!
Подарит мне Рюбецаль
На прощанье ожерелье.
Канет в сумрак летний зной,
Лунный глаз проглянет слева, —
Обручальный перстень свой
Мне подаст лесная дева.
Я его, склонясь, приму,
Уроню свой плащ багровый...
Ночь длинней протянет тьму,
Отлетят ночные совы.
Я к вам вернусь, о люди, — вернусь, преоб-
ражен,
Вся жизнь былая будет как некий душный
сон.
Я к вам вернусь воскресшим, проснувшим-
ся от сна...
Волна волну стирает, и все ж она — волна.
И я иной, чем прежде, но все же это — я,
И песнь моя другая, но это — песнь моя.
Никто ее не может сложить, как я могу,

А тайну прошлых песен я в сердце берегу.
И все мои напевы еще подвластны мне:
И те, что пел я в детстве, и те, что пел во
сне.

Дано мне петь, что любо, что нравится
мечтам,

А вам — молчать и слушать, вникать в на-
певы вам!

И что бы ни задумал я спеть — запрета нет,
И будет все достойно, затем, что я — поэт!
И в жизнь пришел поэтом, я избран был
судьбой,

И даже против воли останусь сам собой.
Я понял неизбежность случайных дум сво-
их,

И сам я чту покорно свой непокорный
стих.

В моем самохваленьи служенье богу есть,
—

Не знаю сам, какая, и все ж я миру весть!

6/19 июня 1902

Венеция

ЭЛЕГИИ

ЖЕНЩИНАМ

Вот они, скорбные, гордые тени
Женщин, обманутых мной.
Прямо в лицо им смотрю без сомнений,
Прямо в лицо этих бледных видений,
Созданных чарой ночной.
О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущих тел!
Вас обретал я, и вами владел!
Все ваши тайны — то нежный, то грубый,
Властный, покорный — узнать я умел.
Да, я вас бросил, как остов добычи,
Бросил на знойном пути.
Что ж! в этом мире вещей и обличий
Все мне сказалось в единственном кличе:
«Ты должен идти!»
Вас я любил так, как любят, и каждой
Душу свою отдавал до конца,
Но — мне не страшно немного лица!
Не одинаковой жаждой
Наши горели сердца.

Вы, опаленные яростной страстью,
В ужасе падали ниц.
Я, прикоснувшись к последнему счастью,
Не опуская ресниц,
Шел, увлекаем таинственной властью,
К ужасу новых границ.
Вас я любил так, как любят, и знаю —
С каждой я был бы в раю!
Но не хочу я довериться раю.
Душу мою из блаженств вырываю,
Вольную душу мою!
Дальше, все дальше! от счастья до муки,
В ужасы — в бездну — во тьму!
Тщетно ко мне простираете руки
Вы, присужденные к вечной разлуке:
Жить мне и быть — одному.

1902

СВИДАНИЕ

В одном из тех домов, придуманных развратом,

Где всем предложена наемная кровать,
На ложе общих ласк, еще недавно смятом,
И мы нашли приют — свою любовь скрывать.

Был яркий летний день, но сдвинутые шторы

Отрезывали нас от четкого луча;
Во мгле искусственной ловил я только взоры

Да тени смутные прически и плеча.
Вся жизнь была в руках; я слышал все бие-

нья,
Всю груди теплоту, все линии бедра;
Ты прилегла ко мне, уже в изнеможеньи,
И ты на миг была — как нежная сестра.

Но издали, крутясь, летела буря страсти...
Как изменились вдруг внизу твои глаза!
И ложе стало челн. У буйных волн во власти,

Промчался он, и вихрь — сорвал все паруса!

И мне пригрезилось: сбылась судьба земного.

Нет человечества! Ладью влечет хаос!

И я, встречая смерть, искал поспешно слова,

Чтоб трепет выразить последних в мире грез.

Но вместо слов был бред, и, неотступно жалея,

Впивался и томил из глубины твой взгляд.

Твой голос слышал я: «Люблю! твоя! мой Валя!»

Ладья летит быстрее... и рухнул водопад.

И мы на берегу очнулись в брызгах пены.

Неспешно, как из форм иного бытия,

Являлся внешний шум и выступали стены,

Сливалось медленно с действительностью

«Я».

Когда ж застенчиво, лицо в густой вуали,

На улицу за мной ты вышла из ворот,

Еще был яркий день, пролетки дребезжали,

И люди мимо шли — вперед, вперед...

1 июня 1901

В ДАМАСК

Губы мои приближаются
К твоим губам,
Таинства снова свершаются,
И мир как храм.
Мы, как священнослужители,
Творим обряд.
Строго в великой обители
Слова звучат.
Ангелы, ниц преклоненные,
Поют тропарь.
Звезды — лампы зажженные,
И ночь — алтарь.
Что нас влечет с неизбежностью,
Как сталь магнит?
Дышим мы страстью и нежностью,
Но взор закрыт.
Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь в Дамаск!

1903

ГИАЦИНТ

С. Л. Полякову

Словно кровь у свежей раны,
Красный камень гиацинт
Увлекает грезу в страны,
Где царит широкий Инд;
Где в засохших джунглях внемлют
Тигры поступи людей
И на мертвых ветках дремлют
Пасти жадных орхидей;
Где, окованная взглядом,
Птица стынет пред змеей
И, полны губящим ядом,
Корни пухнут под землей.
Сладко грезить об отчизне
Всех таинственных отрав!
Там найду я радость жизни —
Воплотивший смерть состав!
В лезвее багдадской стали
Каплю смерти я волюю,
И навек в моем кинжале
Мечь и волю затаю.
И когда любовь обманет,

И ласкавшая меня
Расточать другому станет
Речи нег на склоне дня, —
Я приду к ней с верным ядом,
Я ее меж ласк и чар,
Словно змей, затешу взглядом,
Разочту, как тигр, удар.
И, глядя на кровь у раны
(Словно камень гиацинт!),
Повлекусь я грезой в страны,
Где царит широкий Инд.
20 декабря 1900

ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ

Мне снилось, я в городе дальнем,
Где ты истомилась одна.
Твой мальчик прохожего встретил,
Сказал мне, что мама больна.
К тебе я вошел, как безумный,
Шепнула ты мне: наконец!
И слышалось четко биенье
Двух слишком счастливых сердец.
Я сел на скамью у кровати,
И сердце мне сжала тоска:
Бледны исхудалые щеки,

Бледна и прозрачна рука.
Твой муж, и сестра, и сиделка —
Все вдруг отошли к стороне,
И я целовал твои руки,
И ты улыбалася мне.
И ты мне сказала: «Мой милый,
Мы точно голубки в грозе», —
К тебе я прижался, рыдая,
И плакали, плакали все.
В слезах я проснулся безумный,
Кругом темнота, тишина,
И город далек, где томишься
Ты в тяжком недуге одна.
1 июля 1901

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Я сквозь незапертые двери
Вошел в давно знакомый дом,
Как в замок сказочных поверий,
Постигнутый волшебным сном.
Сквозь спущенные занавески
Чуть проникали тени дня,
И люстры тонкие подвески
Сверкали бледно, не звеня.
И так шаги казались странны,
Почти заглушены в коврах.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стенах.
Я встретил взгляд без выраженья
Остановившихся часов.
Полузасохшие растенья
Стояли стражей мертвецов.
Я заглянул... Она смотрела,
Как тихо догорал камин.
Зола каких-то писем тлела,
Но в воздухе дышал жасмин.
На платье белое — все реже
Бросали угли отсвет свой.
Она вдыхала запах свежий,

Клонясь все ниже головой.
И, не веселый, не печальный,
Я скрылся, как вошел, без слов,
Приняв в гостиной взгляд прощальный
Остановившихся часов.
25 декабря 1901

К БЛИЗКОЙ

Предстанет миг, и дух мой канет
В неизмеримость без времен,
И что-то новое настанет,
И будет прах земли как сон.
Настанет мир иных скитаний,
Иных падений и высот,
И, проходя за гранью грани,
Мой дух бывшее отряхнет.
Воспоминанья все утратит,
В огне небес перегорит
И за познание тайн заплатит
Забвеньем счастья и обид.
И вот, как облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг завижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.
В моей душе преображенной,

От всех условий бытия,
Как мысль от тени, отрешенной,
Восстанет вся любовь моя,
Весь круг бессилия и счастья,
Все дни, что вечностью прошли,
Весь вещей ужас сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!
И словно вновь под сводом звездным,
С своей бездонной высоты,
Твое я имя кину к безднам,
И мне на зов ответишь — ты!
1903

ПЫТКА

Эта боль не раз мной испытана,
На кресте я был распят не раз,
Снова кровью одежда пропитана
И во взорах свет солнца погас.
Члены пыткой злой обессилены,
Я во прахе кровавом — как труп.
Выжидают мгновения филины,
Опустившись на ближний уступ.
Но, чем мука полней и суровее,
Тем восторженней песни хочу,
И кричу, и пою славословия,

Вечный гимн моему палачу.
О, приди, без улыбки, без жалости,
Снова к древу меня пригвождать,
Чтоб я мог в ненасытной усталости
Снова руки твои целовать.
Чтоб, в борьбе с сладострастной безмерно-
стью

Нарастающих яростных мук,
Я утешен был девственной верностью
Этих строго безжалостных рук.
Декабрь 1901

ЭПИЗОД

1

Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?
Твои так нежны глазки,
И поступь — как у фей!
Я — принц, а ты — царевна,
Отец твой — злой король...
Но не гляди так гневно,
Побыть с тобой позволь.
Я в шапке-невидимке,
Для всех — ты здесь одна!
И вот в вечерней дымке

Померкла даль окна.
Прислужницы уводят
Тебя под полог твой...
Ночные тени бродят,
И я во мгле с тобой!
Уста твои безмолвны,
Смежен покорный взор.
Бросаю в воздух — в волны
Наш самолет-ковер.
Влекут нас в царство ласки
Семь белых лебедей...
Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?

2

Зачем твое имя Мария,
Любимое имя мое?
Любовь — огневая стихия,
Но ты увлекаешь в нее.
Зачем с утомляющей дрожью
Сжимаю я руку твою
И страсть, как посланницу божью,
В горячей мечте узнаю?
Ты шепчешь, лицо уклоняя:
«Зачем я слаба? — ты сильней»,
И вьется дорога ночная

По царству теней и огней.

3

Когда твой поезд, с ровным шумом,
Мелькнул и стал вонзаться в даль,

А я стоял, доверясь думам,
Меня так нежила печаль.

Там, на платформе опустелой,
В июльском пламенном огне,
Все то, что с детством охладело,
Я находил живым во мне.

И после всех моих падений
Мне так легко давались вновь
И детский трепет разлучений,
И детски нежная любовь.

Июль 1901

ТАИНСТВА НОЧЕЙ

Хранятся в памяти, как в темной книге,
Свершившиеся таинства ночей,
Те, жизни чуждые, святые миги,
Когда я был и отдан, и ничей.
Я помню запах тьмы и запах тела,
Дрожащих членов выгибы и зной,
Мир, дышащий желаньем до предела,
Бесформенный, безобразный, иной.
Исторгнутые мукой сладострастья,
Безумны были речи, — но тогда
Казалось мне, что властен их заклясть я
Заклятием забвенья — навсегда!
Что этот бред, мучительным отливом
Вскрывающий души нагое дно,
Навек умрет с растаявшим порывом,
Что в миге будет все погребено!
Нет! Эта мгла и криков и видений
В другой мечте, как и в моей, жива!
О вы, участницы ночных радений,
Вы слышали запретные слова!
Я был не одинок во храме страсти,
Дал подсмотреть свой потаенный сон,
И этот храм позором соучастии

В святых воспоминаньях осквернен!

1902

ОДИНОЧЕСТВО

Проходят дни, проходят сроки,
Свободы тщетно жаждем мы.
Мы беспощадно одиноки
На дне своей души-тюрьмы!
Присуждены мы к вечной келье,
И в наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Так дьявольски искажено.
Напрасно жизнь проходит рядом
За днями день, за годом год.
Мы лжем любовью, словом, взглядом, —
Вся сущность человека лжет!
Нет сил сказать, нет сил услышать,
Невластно ухо, мертв язык.
Лишь время знает, чем утишить
Безумно вопиющий крик.
Срывай последние одежды
И грудью всей на грудь прильни, —
Порыв бессилен! нет надежды!
И в самой страсти мы одни!
Нет единенья, нет слиянья, —

Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушие раба.
Напрасно дух о свод железный
Стучится крыльями, скользя.
Он вечно здесь, над той же бездной:
Упасть в соседнюю — нельзя!
И путник, посредине луга,
Кругом бросает тщетный взор:
Мы вечно, вечно в центре круга,
И вечно замкнут кругозор!

1903

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ

ОТВЕРЖЕНИЕ

Мой рок, благодарю, о верный, мудрый
Змий!

Яд отвержения — напиток венценосный!

Ты запретил мне мир изведанный и кос-
ный,

Слова и числа дав — просторы двух сти-
хий!

Мне чужды с ранних дней — блистающие
весны

И речи о «любви», заветный хлам витий;

Люблю я кактусы, пасть орхидей да сосны,

А из людей лишь тех, кто презрел «не
убий».

Вот почему мне так мучительно знакома

С мишурной кисеей продажная кровать.

Я в зале меж блудниц, с ватагой пьяниц до-
ма.

Одни пришли сюда грешить и убивать,

Другие, перейдя за глубину паденья,

Вне человечества, как странные растенья.

18 июня 1901

ВТИРУША

Ты вновь пришла, вновь посмотрела в душу,
Смеешься над бессильным крикнуть:
«Прочь!»

Тот вечно раб, кто принял раз втирушу...

Покорствуй дух, когда нельзя помочь.

Я — труп пловца, брошенный на сушу,

Ты — зыбких волн неистовая дочь.

Бери меня. Я клятвы не нарушу.

В твоих руках я буду мертв всю ночь.

До утра буду я твоей добычей,

Орудием твоих ночных утех.

И будет вокруг меня звенеть твой смех.

Исчезнешь ты под первый щебет птичий,

Но я останусь нем и недвижим

И странно чуждый женщинам земным.

1903

СОНЕТ

О ловкий драматург, судьба, кричу я «браво»

Той сцене выигрышной, где насмерть сам
сражен,

Как все подстроено правдиво и лукаво.

Конец негаданный, а неизбежен он.

Сознайтесь, роль свою и я провел со сла-
вой,

Не закричат ли «бис» и мне со всех сторон,

Но я, закрыв глаза, лежу во мгле кровавой,

Я не отвечу им, я насмерть поражен.

Люблю я красоту нежданных поражений,

Свое падение я славлю и пою,

Не все ли нам равно, ты или я на сцене.

«Вся жизнь игра». Я мудр и это признаю,

Одно желание во мне, в пыли простертом,

Узнать, как пятый акт развяжется с чет-
вертым.

4 июля 1901

ХМЕЛЬ ИССТУПЛЕНЬЯ

В моей душе сегодня, как в пустыне,
Самумы дикие крутятся, и песок,
Столбами встав, скрывает купол синий.
Сознание — разломанный челнок
В качаньи вод, в просторе океана;
Я пал на дно, а берег мой далек!
Мои мечты неверны, как тумана
Колеблемые формы над рекой,
Когда все поле лунным светом пьяно.
Мои слова грохочут, как прибой,
Когда, взлетев, роняет он каменья,
И, в споре волн, одна слита с другой.
Я наслаждаюсь хмелем исступленья,
Пьянящим сердце слаще острых вин.
Я — в буре, в хаосе, в дыму горенья!
А! Быть как божество! хоть миг один!
1 июня 1901

ЛЕСНАЯ ДЕВА

Л. Н Вилькиной

На перекрестке, где сплелись дороги,
Я встретил женщину: в сверканьи глаз
Ее — был смех, но губы были строги.
Горящий, яркий вечер быстро гас,
Лазурь увлажнивалась тихим светом,
Неслышно близился заветный час.
Мне сделав знак с насмешкой иль приве-
том,

Безвестная сказала мне: «Ты мой!»,
Но взор ее так ласков был при этом,
Что я за ней пошел тропой лесной,
Покорный странному ее влиянью.
На ветви гуще падал мрак ночной...
Все было смутно шаткому сознанию,
Стволы и шелест, тени и она,
Вся белая, подобная сиянью.
Манила мгла в себя, как глубина;
Казалось мне, я падал с каждым шагом,
И, забываясь, жадно жаждал дна.
Тропа свивалась долго над оврагом,
Где слышался то робкий смех, то вздох,

Потом скользнула вниз, и вдруг зигзагом,
Руслом ручья, который пересох,
Нас вывела на свет, к поляне малой,
Где черной зеленью стелился мох.
И женщина, смеясь, недвижно стала,
Среди высоких илистых камней,
И, молча, подойти мне указала.
Приблизился я, как лунатик, к ней,
И руки протянул, и обнял тело,
Во храме ночи, во дворце теней.
Она в глаза мне миг один глядела
И, — прошептав холодные слова:
«Отдай мне душу», — скрылась тенью бе-
лой.

Вдруг стала ночь таинственно мертва.
Я был один на блещущей поляне,
Где мох чернел и зыблилась трава...
И до утра я проблуждал в тумане,
По жуткой чаще, по чужим тропам,
Дыша, в бреду, огнем воспоминаний.
И на рассвете — как, не знаю сам, —
Пришел я вновь к покинутой дороге,
Усталый, на землю упал я там.
И вот я жду в томленьи и в тревоге
(А солнце жжет с лазури огневой),

Сойдет ли ночь, мелькнет ли облик строгий.

Приди! Зови! Бери меня! Я — твой!

26 ноября 1902

Петербург

MON RÊTE FAMILIER[6]

*Люблю мечты моей созданье
Лермонтов*

Вновь одинок, как десять лет назад,
Брожу в саду; ведут аллеи те же,
С цветущих лип знакомый аромат.
Чу! лай собак. Повеял ветер свежий,
И с тихим вечером приходит бред,
Что нежит сердце год за годом реже.
Мне нынче снова — девятнадцать лет!
Ты вновь со мной, «мечты моей созданье»!
Дай плакать мне — я снова твой поэт!
Как сладостно твоих шагов шуршанье;
Ты дышишь рядом; подыми я взор,
Твоих очей ответит мне сверканье.
Не изменилась ты, — о, нет, — с тех пор,
Как мальчику явилась ты впервые
И был свершен наш брачный договор!

Ты мне дала узнать, что страсть — стихия,
Ввела во храмы воплощенных грез,
Открыла мне просторы неземные,
Следила ты, как друг, пока я рос,
На первые свиданья приходила,
Была меж нами третья в мире роз.
Я изменил — но ты не изменила,
Лишь отошла, поникнув головой,
Когда меня смутила злая сила.
О, как я мог пожертвовать тобой!
Для женщины из плоти и из крови
Как позабыл небесный образ твой!
Но лишь с тобой мне счастье было внове.
В часы луны, у перепевных струй,
На ложе — у палящих изголовий,
Прильнув к груди, впивая поцелуй,
Невольню я тебя искал очами,
Тебя я жаждал!.. Верь и не ревнуй.
По-прежнему твой лик витал над снами!
Кого б я ни ласкал, дрожа, любя,
Я счастлив был лишь тайными мечтами,

Во всех, во всех лаская лишь тебя!
22 мая 1903
Старое Село

SANCTA AGATHA[7]

На горы тихие ложилась мгла,
А деревца по склонам были нежны,
Из церкви, торопясь, домой я шла.
Со мной был крест, хранитель мой надеж-
ный,
Белели чаши лилий по пути,
Благоухал в цвету рассадник смежный.
И там, где надлежало мне пройти,
Где тесно путь сжимали две ограды,
Предстал мне юноша лет двадцати.
И, встретясь, наши опустились взгляды!
Прекрасный, он, как праотец, был наг.
Нам стало страшно, и мы были рады.
Без воли я замедлила мой шаг
И стала, прислонясь, под веткой сливы,
А он ко мне, как брат иль тайный враг:
«Агата, молвил, мы с тобой счастливы!
Я — мученик святой, я — Себастьян.
Умрем мы в муках, но в Отце мы живы!»
Взглянув, увидела я кровь из ран
И жадно впившиеся в тело стрелы,
Но был он светом белым осиян.
И тот же свет, торжественный и белый,

Вдруг от меня разлил свои лучи.
Вокруг народ столпился, город целый.
Сорвав с меня одежду, палачи
Мне груди вырвали, глумясь, щипцами
И занесли над головой мечи.
Мой спутник поддержал меня руками
(Я падала от боли и стыда),
Спускались с неба два венца над нами.
«Сестра, — спросил меня он, — ты тверда?»
И подал мне отрубленные груди.
Я как невеста отвечала: «Да!»
И к небу протянула их на блюде,
Не зная, где страданье, где любовь...
Но тут иные замелькали люди.
Исчезло все — и Себастьян, и кровь,
Означилась моя дорога к дому,
И, торопясь, пошла я дальше вновь,
Отныне обрученная святому!
Июнь 1902
Флоренция

ТЕРЦИНЫ К СПИСКАМ КНИГ

И вас я помню, перечни и списки,
Вас вижу пред собой за ликом лик.
Вы мне, в степи безлюдной, снова близки.
Я ваши таинства давно постиг!
При лампе, наклонясь над каталогом,
Вникать в названья неизвестных книг;
Следить за именами; слог за слогом
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое в немногом;
Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка».
И ныне вы предстали мне скелетом
Всего, что было жизнью сто веков,
Кивает он с насмешливым приветом,
Мне говорит: «Я не совсем готов,
Еще мне нужны кости и суставы,
Я жажду книг, чтоб сделать груду слов.
Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мне все равно, безумец иль пророк,
Созданье для ума и для забавы.
Я всем даю определенный срок.
Твори и ты, а из твоих мечтаний

Я сохраню навек семь-восемь строк.
Всесильнее моих упоминаний
Нет ничего. Бессмертие во мне.
Венчаю я — мир творчества и знаний».
Так остов говорит мне в тишине,
И я, с покорностью целуя землю,
При быстро умирающей луне,
Исчезновение! твой зов приемлю.
10 апреля 1901

КАРТИНЫ

ЛЮБЛЮ ОДНО

Люблю одно: бродить без цели
По шумным улицам, один;
Люблю часы святых безделий,
Часы раздумий и картин.
Я с изумленьем, вечно новым,
Весной встречаю синеву,
И в вечер пьян огнем багровым,
И ночью сумраком живу.
Смотрю в лицо идущих мимо,
В их тайны властно увлечен,
То полон грустью нелюдимой,
То богомолен, то влюблен.
Под вольный грохот экипажей
Мечтать и думать я привык,
В теснине стен я весь на страже;
Да уловлю господень лик!
12 октября 1900

РАНЬШЕ УТРА

Я знаю этот свет, неумолимо четкий,
И слишком резкий стук пролетки в ти-
шине,

Пред окнами контор железные решетки,
Пустынность улицы, не дышащей во сне.
Ночь канула в года, свободно и безумно.
Еще горят огни всех вдохновенных сил;
Но свежий утренник мне веет в грудь бес-
шумно,

Недвижные дома — как тысячи могил.
Там люди-трупы спят, вдвоем и одиноко,
То навзничь, рот открыв, то ниц — на жи-
воте

Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна в открытой наготы!
Два равных мира есть, две равные стихии:
Мир дня и ночи мир, безумства и ума,
Но тяжки грани их — часы полуночные,
Когда не властен свет и расточилась тьма.
С последним чаяньем, свою мечту ночную
Душа стремится влить в пустые формы
дня,

Но тщетно я борюсь, и тщетно я колдую:

Ты, день, могучий враг, вновь покоришь
меня!

1902

КАМЕНЩИК

— Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой же рабо-
чий.

Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожа-
луй,

Тех он, кто нес кирпичи!

— Эй, берегись! под лесами не балуй...

Знаем всё сами, молчи!

16 июля 1901

МАЛЬЧИК

В бочке обмерзлой вода колыхается,
Жалко дрожит деревянный черпак;
Мальчик-вожатый из сил выбивается,
Бочку на горку не втащит никак.
Зимняя улица шумно взволнована,
Сани летят, пешеходы идут,
Только обмерзлая бочка прикована:
Выем случайный и скользок и крут.
Ангел сверкает блестящим воскрылием,
Ангел в лучистом венце над челом,
Взял за веревку и легким усилием
Бочку вкатил на тяжелый подъем.
Крестится мальчик, глядит неуверенно,
Вот покатил свои санки вперед.
Город шумит неизменно, размеренно,
Сани летят и проходит народ.
Ноябрь 1901

ЦАРИЦА

Сконки сошла она шагом богини
(Лилия белая, взросшая в тине!).
Долго смотрел я на правильность линий
Молодого лица.
Сумрак холодный лежал без конца,
Небеса были звездны и сини.
Она подняла накидку на плечи.
Я оскорбить не осмелился встречи.
Были не нужны и тягостны речи
Здесь на земле!
Контур ее затерялся во мгле.
Горели кругом погребальные свечи.
Да! я провидел тебя в багрянице,
В золотой диадеме... Надменной царицей
Ты справляла триумф в покоренной столи-
це.
Чу! крики бесчисленных уст!
Нет, тротуар озаренный безмолвен и пуст,
Лишь фонари убегают вперед вереницей.
5 мая 1901

ПРОХОЖЕЙ

Она прошла и опьянила
Томящим сумраком духов
И быстрым взором оттенила
Возможность невозможных снов.
Сквозь уличный железный грохот
И пьян от синего огня,
Я вдруг слышал жадный хохот,
И змеи ослепили меня.
В моих глазах еще синела
Небес вечерних полумгла,
Но теплота чужого тела
Меня объяла и прожгла.
И в ужасе борьбы упорной,
Меж клятв, молений и угроз,
Я был опутан влагой черной
Ее распущенных волос.
4 октября 1900

ГОЛОС ЧАСОВ

С высокой башни колокольной
Призывный заменяя звон,
Часы поют над жизнью дольной,
Следя движение времен.
Но днем в бреду многоголосном
Не слышен звонкий их напев,
Над гулким грохотом колесным,
Над криком рынка, смехом дев.
Когда ж устанет день, и ляжет
Ночная тень во всех углах,
И шуму замолчать прикажет,
И переменит жизнь в огнях,
Мы все, покорствуя невольно,
В пространном царстве вещей снов,
С высокой башни колокольной
Внимаем голосу часов.
Густеют и редеют тени.
А торжествующая медь
Зовет и нас в чреде мгновений
Мелькнуть, побыть и умереть.
28 июня 1902

НА СКАЧКАХ

Люблю согласное стремленье
К столбу летящих лошадей,
Их равномерное храпенье
И трепет вытянутых шей.
Когда вначале свежи силы,
Под шум о землю бьющих ног,
Люблю задержанной кобылы
Уверенный упругий скок.
Люблю я пестрые камзолы,
В случайный сбитые букет,
И финиш, ярый и тяжелый,
Где миг колеблет «да» и «нет».
Когда счастливец на прямую
Выходит, всех опередив,
Я с ним победу торжествую,
Его понятен мне порыв!
Быть первым, вольно одиноким!
И видеть, что близка мета,
И слышать отзвуком далеким
Удары ног и щелк хлыста!

23 сентября 1902

ЧУДОВИЩА

Зловещее и смутное есть что-то...

К. Фофанов

Во всех углах жилья, в проходах, за дверьми
Стоят чудовища, незримые людьми:
Болезни, ужасы и думы тех, кто прежде
Жил в этих комнатах и верил здесь надежде.

И все мы, с первых дней вступая в старый
дом,

Под их влиянием таинственным живем.

Их образ — как у птиц. Как глупые пингвины,

Они стоят во мгле, к стене притиснув спины

И чинно крылышки прижав к своим бокам;

Как грифы серые, нахохлясь, по углам,

За печкой, за бюро сидят неясной грудой;

Как совы, на шкапах таятся, и оттуда

Глядят незрячими глазами целый день.

При свете дня их нет, они — пустая тень,

И только вечером, когда уносят свечи

И где-то вдалеке шумят за чаем речи, —
В потемках, в комнатах, безмолвных с дав-
них пор,

Они выходят все из мрака и из нор,
Гуляют и шумят за мигмом миг смелее,
Почти что на виду вытягивают шеи,
Пугают мальчика, боящегося мглы,
И, лишь внесут огонь, скрываются в углы.
А после, полночью, в квартире, тупо спя-
щей,

Блуждают, властные, какой-то ратью мстя-
щей,

Мечтами давних лет холодный сон томят
И в губы спящего вдыхают мертвый яд.

1903

ЗИМНИЕ ДЫМЫ

Хорошо нам, вольным дымам,
Подыматься, расстилаться,
Кочевать путем незримым,
В редком воздухе теряться,
Проходя по длинным трубам,
Возноситься выше, выше
И клубиться белым клубом,
Наклоняясь к белым крышам.
Дети пламени и праха,
Мы как пламя многолики,
Мы встречаем смерть без страха,
В вольной области — владыки!
Над толпой немых строений,
Миром камней онемелых,
Мы — семья прозрачных теней —
Дышим в девственных пределах.
Воздух медленный и жгучий —
Как опора наших крылий,
Сладко реять дружной тучей
Без желаний, без усилий.
Даль морозная в тумане,
Бледен месяц в глуби синей,
В смене легких очертаний

Мы кочуем по пустыне.

16 декабря 1900

ОКЛИКИ ДЕМОНОВ

Свистки паровозов в предутренней мгле,
Дым над безжизненным прудом.
Город все ближе: обдуманном чудом
Здания встали в строй по земле.
Привет — размеренным грудам!
Проволок нити нежней и нежней
На небе, светлеющем нежно.
Вот обняли две вереницы огней,
Мой шаг по плитам слышней.
Проститутка меня позвала безнадежно.
Белая мгла в предрассветный час!
(Она словно льется во взгляды.)
Безумные грезы усталых глаз!
Призраки утра! мы не страшны для вас,
Вы пустынному часу так рады.
Всходят, идут и плывут существа,
Застилают заборы,
Глядят из подвалов, покинувши норы,
Жадно смотрят за шторы,
И сквозь белое тело видна синева.
Вот малютки — два призрака — в ярком

венке

Забавляются пылью,
Вот длинная серая шаль на больном стари-
ке,
Вот женщина села на камень в тоске,
Вот девушку к небу влекут ее крылья.
Ходят, стоят, преклоняются ниц
(Словно обычные люди!),
Реют рядами чудовищных птиц,
Лепечут приветы и шепчут угрозы, —
Пред утром бродячие грезы!
О дым на безжизненном пруде!
О демонов оклики! ваши свистки, парово-
зы!

1901

НОЧЬ

Горящее лицо земля
В прохладной тени окунула.
Пустеют знойные поля,
В столицах молкнет песня гула.
Идет и торжествует мгла,
На лампы дует, гасит свечи,
В постели к любящим легла
И властно их смежила речи.
По пробуждается разврат.
В его блестящие приюты
Сквозь тьму, по улицам, спешат
Скитальцы покупать минуты.
Стрелой вонзаясь в города,
Свистя в полях, гремя над бездной,
Летят немолчно поезда
Вперед по полосе железной.
Глядят несытые ряды
Фабричных окон в темный холод,
Не тихнет резкий стон руды,
Ему в ответ хохочет молот.
И, спину яростно клоня,
Скрывают бешенство проклятий
Среди железа и огня

Давно испытанные рати.
Сентябрь 1902

ЗИМНЯЯ КРАСОТА

Твердят серебряные сени
О счастье жизни для мечты,
О сладком бытии растений
В убранстве зимней красоты.
Но я не внемлю, не приемлю
Их мерный шепот, белый зов.
Люблю воскреснувшую землю
И кровь растоптанных цветов!
Нет, нет, не надо мертвой неги
В лучах прельстительной луны!
Вставайте, мощные побеги,
На пире огненной весны!
Я буду сам как стебель явлен,
Омою в зное венчик свой
И лягу, сломан и раздавлен,
До первой вьюги снеговой!
23 ноября 1902

ПРЕЛЕСТИ ЗЕМЛИ

Все реже я и все бесстрастней
Смотрю на прелести земли,
Как в детстве нежившие басни,
Красоты мира отошли.
Мне тяжела дневная зелень
И слишком сини небеса,
Для слуха каждый звук разделен,
Когда взволнуются леса.
Люблю я сумрачные краски,
Громады стен в лучах луны,
Меня приветствует по-братски
Мир дорассветной тишины.
Дрожа, белеет сумрак чуткий,
Гремящий город мертв на час,
Спят мудрецы, спят проститутки,
И в два ряда мне светит газ.
Август 1901

АНТОЛОГИЯ

ЯРОСТНЫЕ ПТИЦЫ

Яростные птицы с огненными перьями
Пронеслись над белыми райскими
преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на мраморе,
И умчались странницы, улетели за море.
Но на чистом мраморе, на пороге девственном,
Что-то все алелося блеском неестественным,
И в вратах под сводами, вечными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.
Январь 1901

СЛАДОСТРАСТИЕ

Ф. Сологубу

В ярком венке из пурпурного мака,
Смутно ресницы к земле опустив,
Женщина вышла из тусклого мрака...
Облик лица ее грубо красив.
Серьги по золоту блещут рубином,
Шею оплел ей кровавый коралл,
Веет от губ ее чем-то звериным,
Тишью пещер и пустынностью скал.
Черные волосы, с сумраком слиты,
Пали на белую матовость плеч;
Выпуклы, подняты, вечно не сыты,
Грудь дрожат от желанья встреч.
Руки протянуты (так, беспокоясь,
Ищет слепая далекой стены),
Бедрa опутал ей тигровый пояс...
Тише! приветствуй восторг тишины!
Чу! загремели чуть слышно запястья,
Губы скривились в мучительный знак.
Снова, о снова, истомы и счастья!
Пусть осыпается пурпурный мак.
Март 1901

В РАЮ

An Maximilian Schick[8]

Лишь закрою глаза, как мне видится берег
Полноводной реки, тени синей волны.
Дремлет небо одной из Полдневных Аме-
рик,
Чуть дрожа на качелях речной глубины.
Веет ветер какого-то лучшего века,
Веет юность свободной и гордой земли.
Мчатся легкие серны, друзья человека,
Песня вольных охотников молкнет вдали.
Обнаженные юноши, девы и дети
Выбегают на отмель веселой толпой
И бросаются в воду, при радостном свете,
Словно горсти жемчужин, блестя за водой.
Длится время, качаются зыби заката,
Здесь и там задымился и светит костер.
Дева спутника игр обнимает, как брата...
О, как сладки во мгле поцелуи сестер!
Да, я знаю те земли и знаю то время,
Их свободно и быстро в мечтах узнаю...
И часами смотрю на блаженное племя,
И как путник-прохожий я с ними в раю!

6 мая 1903

СОН

Как город призрачный в пустыне,
У края бездн возник мой сон.
Не молкнет молний отсвет синий,
Над кручей ясен небосклон.
И пышен город, озаренный:
Чертоги, башни, купола,
И водоемы, и колонны...
Но ждет в бездонной бездне мгла.
И вот уже, как звон надгробный,
Сквозь веки слышится рассвет,
Вот стены — призракам подобны,
И вот на башнях — шпилей нет...
Когда же явь мне в очи глянет,
Я буду сброшен с тех высот,
Весь город тусклой тенью станет
И, рухнув, в пропасть соскользнет.
И алчно примет пасть пучины
За храмом храм, за домом дом...
И вот — лишь две иль три руины
Вещают смутно о былом.

22 августа 1903

ЛЕД И УГОЛЬ

Лед и уголь, вы — могильны!
Что-то было и прошло,
Черный уголь, тусклый, пыльный,
Лед, блестящий как стекло!
Что вы, красные уроды,
Дым прорезавши, горды?
Удвояет лик природы
Гладь затихнувшей воды!
Пусть все отжило, застыло,
Зыби нет, лучам конец:
Лед — над водною могилой,
Уголь — без надежд мертвец!
Он под новой вспышкой жара
Лишь кровавится, как бес,
Но свободной тенью пара
Лед восходит до небес.
Август 1901

ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ

Белый день, прозрачно-белый,
Золотой, как кружева...
Сосен пламенное тело,
Зноем пьяная трава.
Пробегающие тучи,
Но не смеющие пасть...
Где-то в сердце, с силой жгучей,
Затаившаяся страсть.
Не гляди так, не зови так,
Ласк ненужных не желай.
Пусть пылающий напиток
Перельется через край.
Ближе вечер... Солнце клонит
Возрастающую тень...
Пусть же в памяти потонет
Золотой и белый день.
1902
Верея

ОБЛАКА

Облака опять поставили
Паруса свои.
В зыбь небес свой бег направили
Белые ладьи.
Тихо, плавно, без усилия
В даль без берегов
Вышла дружная флотилия
Сказочных пловцов.
И, пленяясь теми сферами,
Смотрим мы с полей,
Как скользят рядами серыми
Кили кораблей.
Но и нас ведь должен с палубы
Видеть кто-нибудь,
Чье желанье сознавало бы
Этот вольный путь!
21 августа 1903

НА ПЕСКЕ

Маленькая девочка
На песке, на лесенке
Камешки бросала.
Дети пели песенки,
Их семья играла.
Маленькая девочка
Камешки бросала.
Бросит вверх — смеется,
Хлопает в ладошки...
Девочкам поется.
Где-то там в окошке
Пели, пели гаммы.
Маленькая девочка
Камешки бросала,
Маленькая девочка
Наконец устала,
На песке, на лесенке
Прилегла близ мамы.
Дети пели песенки;
В домике налево
Изучали гаммы...
Я слагал напевы.
30 мая 1902

Венеция

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Девочка далекая,
Спи, мечта моя!
Песня одинокая
Над тобой — как я.
Песня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно-нераздельная
С чуткой тишиной.
Это отзвук тающий
Прежних, страстных слов,
Отзвук умирающий
В тихой бездне снов.
Словно речь бессвязная —
Память лучших дней...
А была алмазная
Радуга огней!
Дремлешь ты под пение
В колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновение
Счастлива, как мы!
И в минуту жгучую
От любви мертва,

Вспомни ночь певучую,
Тихие слова!
Сии, моя далекая,
В храме бытия,
Песня одинокая —
Вся любовь моя!
1903

ТЕРЕМ

Иоанне Б.

Тихи дни и годы — годы в терему,
Словно льются воды медленно во тьму.
День неслышно тает, гаснет без следа...
Тусклый свет роняет пестрая слюда;
За окошком главы — малый край небес,
По простенкам травы — непостижный лес.
С темной образницы кроткий свет лампад...
Те же, те же лица, что и день назад!
Та же все работа, песни без души...
Льются дни без счета, как вода в тиши...
Только в воскресенье бегло видишь мир:
В церкви чтенье, пенье — отдаленный клир,

Дома смех, салазки, снежная гора,
Да под вечер пляски, сказки гусяра.
Сны усталых сладки — жжет лебяжий
пух...

На ухо загадки кто-то шепчет вслух,
Снится сине море, снится царский сын,
Знаешь страсть и горе, хоть на час один!
Утро. С образницы кроткий свет на всех.
Тихо, как в гробнице. За окошком — снег.
Январь 1901

ВИТЯЗЬ

1

— **О** чем же ты тоскуешь, витязь,
Один на башенной стене?
— Убийством и борьбой насытаться,
Еще я счастлив не вполне.
Меня гнетут мои кольчуги,
Хочу изведать тайны сна.
Уйдите прочь, друзья и слуги,
Меня утешит тишина.

2

— Зачем же, слуги, вы таитесь
В проходах темных, в тишине?

— Наш господин, наш славный витязь,
Давно покоится во сне.
Мы ждем, что дверь — вдруг распахнется,
Он крикнет зовом боевым
И вновь к победам понесется,
А мы тогда — за ним! за ним!

3

— Меня ты слышишь ли, мой витязь?
Довольно спать! восстань! восстань!
— Мечтой и тишиной насытись,
Я перешел земную грань.
Давно мои белеют кости,
Их червь покинул гробовой,
Все слуги дремлют на погосте,
И только тени пред тобой!

1902

КАМНИ

Камни, камни! о вас сожаленье!

Вы по земле мне родные!

В жилах моих роковое биенье,

Та же, все та же стихия.

Века вы питались кровью заката,

Жертвенной, девственной кровью,

Вас море ласкало, как старшего брата,

Грызло, кусало с любовью.

Люди, из вас воздвигали мы храмы,

Из вас мы слагали дворцы и жилища,

Вами мы крыли могильные ямы,

Вы с нами — в жизни и на кладбище!

Камни, камни, о вас сожаленье!

В день, когда ангелов к солнцу подымутся
трубы,

Вы ли пребудете вне воскресенья,

Как хаос косный и грубый?

Нет, вы недаром родня изумрудам,

Аметистам, рубинам, сапфирам,

Жизненный трепет пройдет до встрево-
женным грудам,

И камней восторженный гимн, как сияние,
встанет

над миром,
1903

ПРЕЗРЕНИЕ

Великое презрение и к людям и к себе
Растет в душе властительно, царит в моей судьбе.

Любил бы, да не в силах я, не ищешь и не ждешь,

И все мечты как призраки, и все желанья — ложь.

Откроет ли нам истина свое лицо иль нет,
Я буду ль жить по имени во глуби долгих лет,

И ты, о ком я думаю, ты любишь ли меня,
И мне скитаться долго ли, иль не дожить и дня,

Мне все равно, мне все равно, слежу игру теней.

Я долго жизнь рассматривал, я присмотрелся к ней.

Как лист, в ноток уроненный, я отдаюсь судьбе,

И лишь растет презрение и к людям и к себе.

29 октября 1900

К УСТЬЮ!

На волны набегают волны,
Растет прилив, отлив растет,
Но, не скудея, вечно полны
Вместилища свободных вод.
На годы набегают годы,
Не молкнет ровный стук минут,
И дни и годы, словно воды,
В просторы вечности текут.
Дыша то радостью, то грустью,
И я мгновеньям отдаюсь,
И, как река стремится к устью,
К безбрежной дали я стремлюсь.
Промчится жизни быстротечность,
За днями дни, за годом год,
И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод.
1903

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ

К. Д. БАЛЬМОНТУ

Вечно вольный, вечно юный,
Ты как ветер, как волна,
Речь твоя поет, как струны,
Входит в души, как весна.
Веет ветер быстролетный,
И кругом дрожат цветы,
Он ласкает, безотчетный,
Все вокруг — таков и ты!
Ты как звезды — близок небу.
Да, ты — избранный, поэт!
Дара высшего не требуй!
Дара высшего и нет.
«Высшим знаком ты отмечен»,
Чти свою святыню сам,
Будь покорен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.
Все равно, куда их двинет
Ветер, веющий кругом.
Пусть туман как град застынет,
Пусть обрушится дождем,

И над полем, и над бездной
Облака зарей горят.
Будь же тучкой бесполезной,
Как она, лови закат!
Не ищи, где жаждет поле,
На раздумья снов не трать.
Нам забота. Ты на воле!
На тебе ее печать!
Может: наши сны глубоки,
Голос наш — векам завет,
Как и ты, мы одиноки,
Мы — пророки... Ты — поэт!
Ты не наш — ты только божий.
Мы весь год — ты краткий май!
Будь — единый, непохожий,
Нашей силы не желай.
Ты сильнее нас! Будь поэтом,
Верь мгновенью и мечте.
Стой, своим оваян светом,
Где-то там, на высоте.
Тщетны дерзкие усилья,
Нам к тебе не досягнуть!
Ты же, вдруг раскинув крылья,
В небесах направишь путь.

1902

ЕМУ ЖЕ

Нет, мой лучший брат, не прав ты:
Я тебя не разлюблю!

Мы плывем, как аргонавты,
Душу вверив кораблю.

Все мы в деле: у кормила,
Там, где парус, где весло.

Пыль пучины окропила
Наше влажное чело.

Но и в диком крике фурий,
Взором молний озарен,

Заклинатель духов бури,
Ты поешь нам, Арион!

Если нас к земному лону
Донести дано судьбе,

Первый гимн наш — Аполлону,
А второй наш гимн — тебе!

Если ж зыбкий гроб в пучине
Присудили парки нам,

Мы подземной Прозерпине
И таинственным богам

Предадим о молитвой душу, —
А тебя из мглы пучин

Тихо вынесет на сушу

На спине своей — дельфин.

3 августа 1903

ЛЕВ СВЯТОГО МАРКА

Rax tihī, Marce, evangelista meus.[9]

(Надпись на книге, которую держит в лапах лев святого Марка)

Кем открыт в куске металла

Ты, святого Марка лев?

Чье желанье оковало

На века — державный гнев?

«Мир тебе, о Марк, глашатай

Вечной истины моей».

И на книгу лев крылатый

Наступил, как страж морей.

Полузверь и полуптица!

Охраняема тобой,

Пять веков морей царица

Насмехалась над судьбой.

В топи илистой лагуны

Встали белые дворцы,

Пели кисти, пели струны,

Мир судили мудрецы.

Сколько гордых, сколько славных,

Провожая в море день,
Созерцали крыл державных
Возрастающую тень.
И в святые дни Беллини
Ты над жизнью мировой
Так же горд стоял, как ныне
Над развенчанной страной.
Я — неведомый прохожий
В суете других бродяг;
Пред дворцом, где жили дожи,
Генуэзский вьется флаг;
Не услышишь ты с канала
Тасса медленный напев;
Но, открыт в куске металла,
Ты хранишь державный гнев.
Над толпами, над веками,
Равен миру и судьбе,
Лев с раскрытыми крылами
На торжественном столбе.

9/22 июня 1902

Венеция

ВЕНЕЦИЯ

Почему под солнцем юга в ярких красках и
цветах,

В формах выпукло-прекрасных представал
пред взором

прах?

Здесь — пришлец я, но когда-то здесь душа
моя жила.

Это понял я, припомнив гондол черные те-
ла.

Это понял, повторяя Юга полные слова,

Это понял, лишь увидел моего святого
Льва!

От условий повседневных жизнь свою
освободив,

Человек здесь стал прекрасен и как солнце
горделив.

Он воздвиг дворцы в лагуне, сделал дожем
рыбака,

И к Венеции безвестной поползли, дрожа,
века.

И доньше неизменно все хранит здесь яв-
ный след

Прежней дерзости и мощи, над которой

смерти нет.

1902

Венеция

ПАМЯТИ И. КОНЕВСКОГО

*Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, велича-
вый,
В начале поприща торжеств и славы,
Исполненный несокрушенных сил!
В. Кюхельбекер*

И ты счастлив, нам скорбь — тебе веселье,
Не в будничных тисках ты изнемог,
Здесь на земле ты справил новоселье,
И празднично еще горит чертог.
Ты жаждал знать. С испугом и любовью
Пытливым взором ты за грань проник, —
Но эти сны не преданы злословью,
Из тайн не сделано тяжелых книг.
Ты просиял и ты ушел, мгновенный,
Из кубка нового один испив.
И что предвидел ты, во всей вселенной
Не повторит никто... Да, ты счастлив.
Лишь, может быть, свободные стихи

Прочли и отразили те мечты.
Они и ты — вы были как родные,
И вот вы близки вновь, — они и ты!
Ты между них в раздольи одиноком,
Где тихий прах твой сладко погребен.
Как хорошо тебе в лесу далеком,
Где ветер и березы, вяз и клен!
3 октября 1901

АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Я многим верил до исступленности,
С такою надеждой, с такою любовью!
И мне был сладок мой бред влюбленности,
Огнем сожженный, залитый кровью.
Как глухо в безднах, где одиночество,
Где замер сумрак молочно-сизый...
Но снова голос! зовут пророчества!
На мутных высях чернеют ризы!
«Брат, что ты видишь?» — Как отзвук мо-
лота,
Как смех внемирный, мне отклик слышен:
«В сиянии небо — вино и золото! —
Как ярки дали! как вечер пышен!»
Отдавшись снова, спешу на кручи я
По острым камням, меж их изломов.

Мне режут руки цветы колючие,
Я слышу хохот подземных гномов.
Но в сердце — с жаждой решенье строгое,
Горит надежда лучом усталым.
Я много верил, я проклял многое
И мстил неверным в свой час кинжалом.
1903

МЛАДШИМ

Они Ее видят! они Ее слышат!
С невестой жених в озаренном дворце!
Светильники тихое пламя колышат,
И отсветы радостно блещут в венце.
А я безнадежно бреду за оградой
И слушаю говор за длинной стеной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.
За окнами свет, непонятный и желтый,
Но в небе напрасно ищу я звезду...
Дойдя до ворот, на железные болты
Горячим лицом приникаю — и жду.
Там, там, за дверьми — ликование сва-
дьбы,
В дворце озаренном с невестой жених!
Железные болты сломать бы, сорвать бы!..

Но пальцы бессильны, и голос мой тих.
1903

ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ

*Осенний ветер выл над урной одино-
кой.*
Ю. Б.

Нам должно жить! Лучом и светлой пылью,
Волной и бездной должно опьянеть,
И все круги пройти — от торжества к бес-
силью,
Устать прекрасно, — но не умереть!
Нам вверены загадочные сказки,
Каменья, ожерелья и слова,
Чтоб мир не стал глухим, чтоб не померк-
ли краски,
Чтоб тайна веяла, жива.
Блудящий огонек — надежда всей вселен-
ной —
Нам окружил венцами волоса,
И если мы умрем, то он — нетленный —
Из жизни отлетит, к планетам, в небеса.
Тяжелая плита над нашей мертвой грудью
Задвинет навсегда все вещие пути,

И ветер будет петь унылый гимн безлюдью...

Нам умереть нельзя! нет, мы должны идти!

Октябрь 1901

З. Н. ГИППИУС

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.
Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.
Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне.
Декабрь 1901

В. И. ПРИБЫТКОВУ

Застольная речь

Мы здесь собрались дружным кругом,
Когда весна шумит над Югом
И тихо голубеет твердь,
Во дни Христова воскресенья,
Когда по храмам слышно пенье
О победившем смертью смерть!
Бессильно тают глыбы снега,
Река разламывает лед,
Чтоб к морю полететь с разбега,
В себе качая небосвод.
А по полям цветет, поет
Подснежников святая нега.
Нас не страшат земные зимы,
Мы веснам верим в смене лег!
Не так ли, косностью томимы,
О смерть! мы верим в твой обет!
Наш путь далек, мы пилигримы,
Но вдалеке нам светит свет.
Да! этот мир как призрак канет,
Смерть наши узы разорвет.
И новый день нам в душу глянет!

Пусть он нас снова отуманит
И пусть измучит, пусть обманет,
Но только был бы зов — вперед!
2 апреля 1901

ИЮЛЬ 1908

Да, пробил последний, двенадцатый час!
Так звучно, так грозно.
Часы мировые окликнули нас.
О, если б не поздно!
Зарницами синими полночь полна,
Бушуют стихии,
Кровавым лучом озарилась луна
На Айа-Софии.
Стоим мы теперь на распутьи веков,
Где выбор дороги,
И в грозную полночь окликнул нас зов,
И властный и строгий.
Кто в час свершений в дремоте поник, —
Судьбе не угоден.
И мимо пройдет, отворачивши свой лик,
Посланник господен.
О, есть еще время! Стучат и стучат
Часы мировые.
В таинственных молниях виден Царьград

И Айа-София.
1 августа 1903

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

ГОРОД ЖЕНЩИН

Домчало нас к пристани в час предвечер-
ний,

Когда на столбах зажигался закат,
И волны старались плескаться размерней
О плиты бассейнов и сходы аркад.

Был берег таинственно пуст и неслышен.

Во всей красоте златораморных стен,

Дворцами и храмами, легок и пышен,

Весь город вставал из прибоев и пен.

У пристани тихо качались галеры,

Как будто сейчас опустив паруса,

И виделись улицы, площади, скверы,

А дальше весь край занимали леса.

Но не было жизни и не было люда,

Закрытые окна слагались в ряды,

И только картины глядели оттуда...

И звук не сливался с роптаньем воды.

Нас лоцман не встретил, гостей неизвест-

ных,

И нам не пропела с таможни труба,

И мы, проходя близ галер многоместных,
Узнали, что пусты они как гроба.
Мы тихо пристали у длинного мола,
И бросили якорь, и подняли флаг.
Мы сами молчали в тревоге тяжелой,
Как будто грозил неизведанный враг.
Нас шестеро вышло, бродяг неуклонных,
Искателей дней, любопытных к судьбе,
Мы дома не кинули дев обрученных,
И каждый заботился лишь о себе.
С немого проспекта сойдя в переулки,
Мы шли и стучались у мертвых дверей,
Но только шаги были четки и гулки
Да стекла дрожали больших фонарей.
Как будто манили к себе магазины,
И груды плодов, и бутылки вина...
Но нас не окликнул привет ни единый...
И вот начала нас томить тишина.
А с каждым мгновеньем ясней, неотвязней
Кругом разливался и жил аромат.
Мы словно тонули в каком-то соблазне
И шли и не знали, пойдём ли назад.
Все было безмолвно, мертво, опустело,
Но всюду, у портиков, в сводах, в тени
Дышало раздетое женское тело, —

И в запахе этом мы были одни.
Впивая его раздраженным дыханьем,
Мы стали пьянеть, как от яда змеи.
Никто, обжигаемый жадным желаньем,
Не мог подавлять трепетанья свои.
Мы стали кидаться на плотные двери,
Мы стали ломиться в решетки окна,
Как первые люди, как дикие звери...
И мгла была запахом тела полна.
Без цели, без мысли, тупы, но упрямы,
Мы долго качали затворы дворца...
И вдруг подломились железные рамы...
Мы замерли, — сразу упали сердца.
Потом мы рванулись, теснясь, угрожая,
Мы вспрыгнули в зал, побежали вперед.
На комнаты мгла налегала ночная,
И громко на крики отвечивал свод.
Мы вкруг обежали пустые палаты,
Взобрались наверх, осмотрели весь дом:
Все было наполнено, свежо, богато,
Но не было жизни в жилище пустом.
И запах такой же, полней, изначальней,
В покоях стоял, возрастая в тени,
И на пол упали мы в шелковой спальне,
Целуя подушки, ковры, простыни.

И ночь опустилась, и мы не поднялись,
И нас наслажденье безмерное жгло,
И мы содрогались, и мы задыхались...
Когда мы очнулись, — уж было светло.
Мы шестеро вышли на воздух, к свободе,
Без слов отыскиали на берег пути
И так же без слов притаились в проходе:
Мы знали, что дальше не должно идти.
И долго, под мраморным портиком стоя,
С предела земли не спускали мы глаз.
Корабль наш качался на зыби прибоя,
Мы знали, что он дожидается нас.
По улицам клича, друзья нас искали,
Но, слыша, как близятся их голоса,
Мы прятались быстро в проходе, в подвале...

И после корабль распустил паруса.
Поплыл в широту и в свободное море,
Где бури, и солнце, и подвиги есть,
И только в словах баснословных историй
Об нас, для безумцев, останется весть.
Товарищи! братья! плывите! плывите!
Забудьте про тайну далекой земли!
О, счастлив, кто дремлет в надежной защите, —

По, дерзкие, здесь мы не смерть обрели!
Найти здесь легко пропитанье дневное,
Нет, мы не умрем, — но весь день наш
уныл,

И только встречая дыханье ночное,
Встаем мы в волненьи воскреснувших сил!
И бродим по городу в злом аромате,
И входим в дворцы и в пустые дома
Навстречу открытых незримых объятий —
И вплоть до рассвета ласкает нас тьма.
В ней есть наслажденье до слез и до боли,
И сладко лежать нам в пыли и в крови,
И счастью в замену не надо нам воли,
И зримых лобзаний, и явной любви!

1902

Венеция

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Он придет, обезумевший мир,
Который поэтом прославлен.
Будет сладостным ядом отравлен
Воздух и самый эфир.
С каждым мигом впивая отраву,
Обезумеют бедные дети земли:
Мудрецы — земледельцы — певцы — коро-
ли —

Звери — птицы — деревья — и травы.
Станут распускаться странные цветы,
Яркие как солнце, дышащие пряно,
Открывая к воздуху жаждущие рты.
Яркостью нежданной заблестев, поляны
Заструят томительный, жгучий аромат.
Птицы исступленные стаями взлетят,
Над блестящим городом и на месте диком
Замелькают с радостным, многосложным
криком.

Островами новыми встанут в океане
Сонмы рыб, теснящихся в ярости желаний.
Разбегутся звери по полям и нивам,
Прыгая, кувыркаясь в полусне счастливом;
И на белой площади северной столицы

Будут ползать змеи и скакать тигрицы.
И люди, медленно пьянея,
Забудут скудные дела,
Как будто первая Астрея
В мир изнемогший снизошла.
Затихнут страшные машины
И фабрик резкие гудки,
И не подымет ни единый
Пилы, лопаты иль кирки.
Все будут в праздничных одеждах,
В полях, в пути, на площадях,
Твердя о сбывшихся надеждах,
Восторженно целуя прах.
И вдруг все станет так понятно:
И жизнь земли, и голос рек,
И звезд магические пятна,
И золотой наставший век.
Восстанут новые пророки,
С святым сияньем вокруг волос,
Твердя, что совершились сроки
И чаянье всемирных грез!
И люди все, как сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянут руки и объятья,
И будет радость без конца.

Земля, как всегда, не устанет кружиться,
Вкушая то знойного света, то ночи,
Но снами никто не захочет упиться,
И будут во мраке восторженной очи.
В полярных пустынях, в тропических ча-
щах,

В открытых дворцах и на улицах шумных
Начнутся неистовства сонмов кипящих,
Пиры и веселья народов безумных.
Покорные тем же властительным чарам,
Веселые звери вмешаются в игры,
И девушки в пляске прильнут к ягуарам,
И будут с детьми как ровесники тигры.
Безмерные хоры и песен и криков,
Как дым, подымутся в небо глухое,
До божьих подножий, до ангельских ли-
ков,

Мирам славословя блаженство земное.
Дыханьем, наконец, бессильно опьянев,
Где в зимнем блеске звезд, где в ярком лет-
нем
свете,

Возжаждут все любви — и взрослые и дети

—
И будут женщины искать мужчин, те —

дев.

И все найдут себе кто друга, кто подругу,
И сил не будет им насытить страсть свою,
И с Севера на Юг и вновь на Север с Юга
Помчит великий вихрь единый стон:

«Люблю!»

И звери меж людей на тех же камнях лягут,
Ласкаясь и любясь, визжа и хохоча,

На ступенях дворцов, у позабытых пагод,
В раздолии полей, близ моря, у ключа.

И странные цветы живыми лепестками
Засыплют, словно снег, лежащие тела.

И будет в яркий день лазурь гореть звездами,
И будет ночи мгла, как знойный час, тепла.

Среди чудовищных видений и фантазий,
Среди блуждающих и плоть принявших

СНОВ

Все жившее замрет в восторженном экстазе

И Смерть закинет сеть на свой последний лов.

Ничто не избежит своей судьбы блажен-

ной,

Как первые в раю — последние уснут...

И ангел вострубит над смолкнувшей все-
ленной,

Все тысячи веков зовя на общий суд.

1903

ВО ХРАМЕ БЭЛА

1

Ассура край постигло наводнение,
Погибли севы, смытые водой,
Хирели, влагой пьяные, растенья.
Народ стонал, ошеломлен бедой,
И яростно все требовали чуда,
Теснясь во храм с надеждой и враждой.
Дымилась жертв обугленная гряда,
Всходили дымы факелов и свеч,
Не молкли день и ночь стенанья люда...
Сам царь пришел свою свечу возжечь,
И вот, в благом присутствии владыки,
Верховный жрец к народу начал речь:
«Так говорит Ассур. Грехи велики
Народа, позабывшего богов.
Что мне ответить на мольбы и крики?
Они для брашен берегут тельцов,

А мне — лишь дым. Им — соки винограда,
Мне — выжимки. Мне — кровь, им — весь
улов.

Но я, как сто волков, найду на стадо;
Как вихрь пустынь, засыплю их поля!
Несите жертв. Я — бог! Мне много надо!
Двенадцатую долю уделя
От всех избытков, да сберутся в храме,
Посыпав главы пеплом и моля.
Быть может, тронусь я тогда мольбами.
Внемлите. Так рабам вещает Бэл:
Прекраснейшую девушку меж вами
Найдите. Стыд ее да будет цел.
Ее лицо — цветов весенних краше,
Ее хребет — как снег нагорный, бел.
Тогда вином наполните две чаши,
И в замкнутом покое храмовом,
Где башни верх, поставьте ложе наше,
Да нас никто не видит в зале том,
Да мы никем услышаны не будем,
И я тогда, в наитии благом,
Как девы муж, явлюсь, быть может, лю-
дям!»

2

Утром ее убирали к венцу,

Умащали ей стан ароматами.
Как подошли ей цейлонские перлы к лицу,
Как она выросла сразу под тканями пышно-богатыми!

Очи ей черными сделал пылающий юг,
Дева Астарта ее одарила своими пристрастьями.

Как обозначились выгибы девственных рук

Под золотыми запястьями!
Ею отпразднован только тринадцатый
праздник весны:

Годы — так тихо невинные.
В черные косы ее вплетены
Нити из жемчуга длинные...
Еще вчера, еще недавно
Она пасла свои стада,
Как серна в поле, своенравна,
Как барс, упряма и горда.
Ее младенческое тело
Еще не знало стрел страстей,
И в очи юношей глядела
Она с небрежностью детей.
И даже сон мечтой греховной
Еще не смел ее смутить,

И дни ее мелькали ровно,
Как бусы нижутся на нить.
Она сегодня — невеста Бэла,
Она сегодня войдет во храм,
Чтоб богу Солнца доверить тело.
Она сегодня, под звон напева,
Под звуки бубнов, войдет во храм,
Глядя стыдливо, еще как дева.
Еще сегодня, тропой горящей,
Бог беспощадный войдет во храм,
Как муж поникнет над лоном спящей.
Она сегодня рабой дрожащей
Познает бога... Идет во храм
Бог лучезарный, бог пепелящий!

3

Таинственно уединен покой
На выси храма, странный, с гробом схо-
жий;

Там окон нет, и беспредельной тьмой
Окружено единственное ложе.
Она не спит, она глядит во тьму,
Рукой прижав ко грудям ожерелья,
И ждет, дрожа, бессветного, к кому
Пришла на свадебное новоселье.
Но зной томит; с курильниц аромат

Встает, томя и взоры и движенье;
Уже ресницы длинные дрожат,
Уже в коленях детских онеменье.
Что будет? В тишине взгремит ли гром?
Прольется ль в сумрак дождь змеистых
молний?

Молчи! Встречай грядущего лицом,
Пред родиной святой обет исполни!
Тот будет ли могуч, как дикий бык?
Навалится ль, как пламенная гряда?
Она, слабея, подавляет крик,
Дрожит в дремоте, в предвкушеньи чуда...
Иль будет он, как свет небесный, тих,
Прекрасный юноша, с очами лани?
Чу! смутный стук! Ужель грядет жених?
Она — в бреду от страха и желаний...
Припасть к нему! Нет, скрыться, умереть,
Не быть! Не надо, ничего не надо!
На мысли странная ложится сеть,
В безвольных членах странная услада.

4

Он сошел не в лучах огневого венца,
Ты во мраке его не узнала лица,
В тишине его голоса ты не слыхала.
Было страшно и сладко, и много и мало.

Было ль это свершение священных надежд?

Чьи-то руки коснулись пурпурных одежд,
Чье-то тело коснулось бессильного тела,
И в объятьях внезапных ты вся холодела,
И не знала, где боль, и не знала, где стыд.
Поцелуи томили окраску ланит,
На руках колыхало объятье запястья,
И страданья, сливаясь с безмерностью счастья,

Повторялись и жгли, наполняя всю ночь...
Ты не знала, когда удалился он прочь,
Ты очнулась одна на таинственном ложе,
В этой спальне глухой, на могилу похожей,
Две лампы, горя, озаряли покой...
В сердце — стыд, в мыслях — бред, в теле — зной.

И, томясь отвращеньем иль чистой любовью,

Ты смотрела на пояс, забрызганный кровью.

5

И в то же утро солнце пронизало,
Победное, губительный туман.
Вода с полей, открыв посевы, спала.

Опять спеша в родимый океан,
В свое русло везде вошли потоки,
И был весь мир лучами осиян.
Жрецы богов, надменны и жестоки,
Считали в храмах груды серебра
И на камнях свои чертили строки;
А люди, вопиявшие вчера,
Несли свои благодаренья богу
За то, что счастья вновь пришла пора.
Толпа теснилась к царскому чертогу
В желаньи видеть ту, что их спасла, —
И деву Бэла вывели к порогу.
Она была робка и не светла,
Ее томили царские наряды,
И лишь горела кос ее смола.
Стремилась к ней восторженные взгляды,
Кричали все: «Тебя избрал сам Бэл!»
А с крыши храма, там, где колоннады
Скрывали дверь в святилище, смотрел
Жрец младший Солнца. Пламенные очи
Его — казались остриями стрел:
Он вспоминал о тайнах грешной ночи.

1903

Старое Село

Примечания

Граду и Миру.

[^^^]

2

Чистая и целомудренная (лат.).

[^^^]

Скука жизни... (фр.).

[^^^]

4

Она имеет во чреве (лат.).

[^^^]

5

В этой долине слез (лат.).

[^^^]

6

Моя привычная мечта (фр.).

[^^^]

Святая Агата (лат.).

[^^^]

Максимилиану Шику (нем.).

[^^^]

9

Мир тебе, Марк, мой евангелист (лат.).

[^^^]